

Бесконечное море

Автор:

Рик Янси

Бесконечное море

Рик Янси

Пятая волна #2

Инопланетянам нужен новый дом. Земля вполне подходит, но как очистить ее от людей, вездесущих и живучих, точно крысы или тараканы?

Отключение электричества, цунами, эпидемия, глушители. Для чего понадобились эти сложные этапы, разве нельзя было решить проблему одним махом – например, с помощью астероида?

Кэсси и ее друзья пережили все смертоносные «волны». Они очень многое потеряли, но зато и многое поняли. И кажется, даже разгадали изощренную стратегию врага: чтобы уничтожить многомиллиардное человечество, необходимо прежде всего уничтожить в людях человечность.

Долгожданное продолжение бестселлера «5-я волна», киноверсию которого компании «Sony Pictures Entertainment» и «Columbia Pictures» готовят к выходу на экраны.

Рик Янси

Бесконечное море

Посвящается Сэнди – стражу бесконечности

Во мне – как море безгранична щедрость

И глубока любовь: чем больше я

Даю тебе, тем больше я имею...

Уильям Шекспир (Перевод Аполлона Григорьева)

Copyright © 2014 by Rick Yancey

© И. Русакова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Рик Янси – уроженец Флориды, филолог по образованию и налоговый инспектор с десятилетним стажем. А также автор нескольких романов для взрослых, автобиографии «Откровения сборщика налогов» («Confessions of a Tax Collector») и рассчитанных на юную аудиторию популярных циклов об Альфреде Кроппе и о монстрологе. Он удостоен ряда престижных литературных премий. Когда Рик не пишет книги, не думает о книгах, не разъезжает по стране ради обсуждения книг, он охотно уделяет время семье.

Душевный и яростный эпос, полный великого героизма и столь же великих сюрпризов... Сильная книга и по мнению критики, и по мнению читателей.

Booklist

Фантастико-приключенческий эпос о нашествии грозных пришельцев.
Гарантируется прочтение в один присест.

Bookseller

Замечательный роман! Его ни в коем случае нельзя упустить из виду.
Захватывающая история выживания с элементами романтики, хоррора и антиутопии.

Wall Street Journal

Пшеница

Урожая не будет.

Весенние дожди пробудили спящие побеги, маленькие ростки выстрелили из влажной земли, поднялись и потянулись, как люди после долгого сна. Весна дала дорогу лету, ярко-зеленые стебли потемнели, стали темно-желтыми, а потом золотисто-коричневыми. Башни густых клубящихся облаков приносили дождь, в поселившихся под куполом неба бесконечных сумерках поблескивали коричневые стебли. Пшеница росла, спелые колосья сгибались под ветром прерий. Это было похоже на колышущийся занавес, на бескрайнее волнующееся море, которое тянулось до самого горизонта.

Когда пришло время жатвы, не осталось ни одного фермера, который сорвал бы колос со стебля, растер его в своих мозолистых ладонях и сдул с зерен чешуйки. Не было жнеца, который пожевал бы зерна и почувствовал, как их тонкая шкурка трескается у него на зубах. Фермер умер от чумы, его уцелевшие родные бежали в ближайший город, где их, как и миллионы других, настигла и уничтожила Третья волна. Теперь старый дом фермера, построенный еще его дедом, превратился в необитаемый остров в бесконечном коричневом море. Дни становились короче, ночи холоднее, и пшеница потрескивала на сухом ветру.

Она пережила град и молнии летних ливней, но шансов спастись от холода у нее не было. Когда беглецы нашли убежище в этом старом доме, колосья уже погибли под жестокими ударами заморозков.

Пятеро мужчин и две женщины, которые еще в канун посевной страды не были знакомы друг с другом, пришли к негласному уговору, что самый слабый из них важнее, чем все они, вместе взятые.

Мужчины, сменяя друг друга, дежурили на веранде. Днем безоблачное небо было похоже на ярко-голубое зеркало, солнце скользило по нему к закату и подсвечивало тускло-коричневую пшеницу мерцающим золотистым светом. Ночи наступали резко, – казалось, кто-то просто со злостью захлопывает дверь и в тот же момент сияние звезд перекрашивает золотисто-коричневые поля в серебряный цвет.

Механизированный мир умер. Землетрясения и цунами уничтожили побережье. Чума поглотила миллионы.

Люди на веранде старого фермерского дома смотрели на пшеницу и думали о том, что ждет их дальше.

После полудня стоявший на посту мужчина увидел, как черная полоса рассекает мертвое пшеничное море, и понял: кто-то или что-то движется к старому фермерскому дому. Он окликнул тех, кто был в комнате. Одна из женщин вышла к нему на веранду. Вместе они смотрели, как высокие злаки исчезают в коричневой стихии, будто сама земля всасывает их в себя. Кто бы или что бы ни приближалось к людям, его не было видно над стеблями. Мужчина спустился с крыльца и направил винтовку в сторону поля. Женщина на веранде замерла. Все остальные в доме приникли к окнам. Они молчали. Ждали, когда раздвинутся колосья.

Когда это наконец случилось, из пшеницы появился ребенок, и тишина ожидания сразу была нарушена. Женщина сбежала с крыльца и опустила ствол винтовки, направленной на маленького пришельца:

– Это всего лишь ребенок. Ты будешь стрелять в такого кроху?

Мужчина скривился. Он не знал, как правильно поступить, и злился оттого, что теперь нельзя верить в самые простые истины.

– Откуда мы знаем, кто он? – спросил мужчина. – Как можно быть вообще хоть в чем-то уверенным?

Малыш, спотыкаясь, вышел из пшеницы и упал. Женщина подбежала к нему, взяла на руки и прижала его чумазое лицо к своей груди. Человек с винтовкой встал на ее пути.

– Он замерз. Надо отнести его в дом, – сказала женщина.

У мужчины заныло сердце, его, как в тисках, сжимали два мира, прежний и нынешний. Человек разрывался между тем, кем был раньше, и тем, кем стал. На него давил груз невысказанных обещаний.

«Это всего лишь ребенок. Ты будешь стрелять в такого кроху?»

Женщина прошла мимо него, поднялась по ступенькам на веранду и скрылась в доме. Мужчина склонил голову, как будто в молитве, потом поднял лицо к небу, будто просил о чем-то. Он подождал несколько минут на случай, если из пшеницы выйдет кто-то еще. Трудно было поверить в то, что малыш выжил в одиночку. Как такое вообще возможно?

Ступив на порог старого фермерского дома, мужчина увидел, что ребенок сидит у женщины на коленях. Она завернула его в одеяло и поила водой. Малыш крепко держал чашку покрасневшими от мороза пальцами, а все беженцы собрались в комнате и, словно потеряв дар речи от удивления, смотрели, как он пьет.

Как такое может быть?

Малыш захныкал. Он переводил взгляд с одного взрослого на другого, искал знакомое лицо, но все они были чужими. Впрочем, эти люди не знали друг друга до конца старого мира. Малыш пожаловался, что ему холодно и у него плохая ранка в горле.

Женщина пальцем открыла ему рот и увидела воспаление у гортани. Но она не заметила ни провода толщиной с волосок, ни крохотной гранулы, к которой он был подсоединен. Наклоняясь над малышом, заглядывая ему в рот, она не могла знать, что устройство настроено на углекислый газ.

Наше дыхание – спусковой крючок.

Ребенок – оружие.

Взрыв мгновенно стер с лица земли старый фермерский дом.

Пшеница продержалась дольше. Исчезло все: и дом, и надворные постройки, и силосная башня, где каждый год хранили богатый урожай. Но сухие гибкие стебли превратились в пепел, на рассвете сильный северный ветер из прерий поднял его к небу и перенес на сотни миль. И там он серым и черным снегом равнодушно выпал на бесплодную землю.

Книга первая

I

Проблема с крысами

1

Мир – это часы, у которых кончается завод.

Я слышу это, когда ветер ледяными пальцами скребет в окно. Я чую это в запахе заплесневелого ковролина и гниющих обоев в старом отеле. Я чувствую это в

груди у Чашки, когда она спит. В стуке ее сердца, в ритме теплого дыхания, согревающего холодный воздух... Пружина часового механизма слабеет.

В противоположной от меня части комнаты, у окна, стоит на посту Кэсси Салливан. Лунный свет просачивается в тонкую щель между шторами и подсвечивает облачка пара, вырывающиеся при каждом ее выдохе. Маленький брат Кэсси спит на кровати, которая стоит рядом с ней. Бугорок под грудой одеял. Голова Кэсси движется подобно маятнику: окно – кровать, кровать – окно. Эти повороты, темп ее дыхания, как и посапывание Наггетса и Чашки, как и мой собственный пульс, – все указывает на то, что кончается завод часов.

Я выбираюсь из-под вороха пледов и встаю. Чашка стонет во сне и зарывается глубже под одеяла. Холод мешает подняться и сжимает грудь, хотя я полностью одета, если не считать парки и ботинок, которые лежат в изножье кровати. Салливан наблюдает за тем, как я зашнуровываю обувь и надеваю куртку, а потом иду к шкафу за своим рюкзаком и винтовкой. Потом я подхожу к окну и останавливаюсь рядом с Кэсси. Чувствую, надо бы сказать что-то перед уходом. Мы можем больше не увидеться.

– Ну что, ты идешь? – говорит Салливан.

Ее белая кожа светится в молочном свете, а веснушки как будто плавают над носом и перед щеками.

Я закидываю винтовку на плечо:

– Да, иду.

– Знаешь, Дамбо – я понимаю. Это из-за больших ушей. Наггетс – потому что Сэм такой маленький. Чашка – тоже понимаю. Зомби – не очень. Бен не хочет рассказывать. Ну и Кекс, я догадываюсь, – из-за того, что он такой пухляк. Но почему – Рингер?

Я понимаю, что происходит. Кэсси больше не доверяет никому, кроме Зомби и своего брата. Кличка Рингер вызывает у нее паранойю.

– Я человек.

– Ага. – Она смотрит сквозь щель в шторах на мерцающую ото льда автостоянку двумя этажами ниже. – Кто-то мне уже такое говорил. И я, как дура, ему поверила.

– Ну, учитывая обстоятельства, не такая уж ты и дура.

– Не прикидывайся, Рингер, – резко обрывает меня Салливан. – Я знаю, ты не веришь в историю Эвана.

– Я верю тебе. А в его историю – нет. Бредятина какая-то.

Я иду к выходу, пока она на меня не набросилась. С Кэсси Салливан лучше не заводить разговоры об Эване Уокере. Я не имею ничего против Кэсси. Эван для нее – ветка над обрывом, за которую она цепляется. И не важно, что его больше нет. От этого она держится за свою ветку еще крепче.

Чашка не издает ни звука, но я чувствую, что она на меня смотрит. Я знаю, что она не спит, и возвращаюсь к кровати.

– Возьми меня с собой, – шепчет она.

Я отрицательно качаю головой. Мы уже сто раз это проходили.

– Я ненадолго, всего на пару дней.

– Обещаешь?

– Так не пойдет, Чашка. Обещание – единственная валюта, которая у нас осталась. Ее надо расходовать с умом.

Нижняя губа Чашки начинает дрожать, глаза на мокром месте.

– Эй, что я тебе об этом говорила, солдат? – Я подавляю желание дотронуться до нее. – Первый приоритет?

– Никаких плохих мыслей, – послушно отвечает Чашка.

- Потому что плохие мысли?..

- Делают нас слабыми.

- И что случается, когда мы становимся слабыми?

- Мы умираем.

- А мы хотим умереть?

Чашка трясет головой:

- Пока еще нет.

Я дотрагиваюсь до ее лица. Холодные щеки, горячие слезы.

«Пока еще нет».

Учитывая, что время человечества практически истекло, эта девочка, наверное, уже достигла среднего возраста. Салливан и я – мы старые. А Зомби? Вообще древний.

Он ждет меня в холле. На нем лыжная куртка, под ней ярко-желтая толстовка с капюшоном – эти вещи мы откопали в гостиничном хламе. Зомби бежал из «Приюта» в одном тонком медицинском костюме. Даже под отросшей бородой нельзя не заметить лихорадочного румянца. Рана от пули, которую я ему «подарила», открылась во время побега. Его заштопал наш двенадцатилетний медик, но в шов, видимо, попала инфекция. Зомби облокотился на стойку, другой рукой держится за бок и пытается делать вид, будто все круто.

- Я уже решил, что ты передумала, – говорит он.

Глаза у него блестят, как будто он надо мной подшучивает, но на самом деле это может быть от того, что у него жар.

Я мотаю головой:

- Чашка.

- С ней все будет в порядке.

Чтобы подбодрить меня, он пускает в ход одну из своих убийственных улыбок. Зомби не способен до конца понять, насколько драгоценны обещания, иначе он ими так просто не кидался бы.

- Я не о Чашке беспокоюсь. Ты хреново выглядишь, Зомби.

- Это все погода. Дурно влияет на мой цвет лица.

Шутку сопровождает еще одна улыбка. Он наклоняется ко мне в надежде, что я включусь в игру:

- Рядовой Рингер, наступит день, когда ты улыбнешься моему приколу, и тогда весь мир треснет по швам.

- Я не готова взять на себя такую ответственность.

Зомби смеется, и кажется, я слышу хрип у него в груди.

- Держи. - Он протягивает буклет о пещерах.

- У меня уже есть.

- Этот тоже возьми, на случай, если свой потеряешь.

- Я не потеряю, Зомби.

- С тобой пойдет Кекс.

- Нет, не пойдет.

- Я здесь командую. Он пойдет.

– Тебе здесь Кекс нужнее, чем мне там.

Зомби кивает. Он знал, что я скажу «нет», но не мог не использовать последнюю попытку.

– Может, нам лучше все отменить, – произносит Зомби. – Я хочу сказать: здесь все не так уж и плохо. Какая-то тысяча клопов, несколько сотен крыс и пара десятков трупов. Зато вид просто фантастический...

Все шутит, все пытается заставить меня улыбнуться. Зомби смотрит на буклет, который держит в руках.

«Плюс двадцать четыре градуса круглый год!»

– Да, пока нас не занесет снегом или снова не ударит мороз. Зомби, ситуация неустойчивая. Мы и так слишком засиделись.

Мне его не понять. Мы уже тысячу раз это обсуждали, а Зомби хочет еще и в тысячу первый. Он меня иногда удивляет. Я стою на своем:

– Мы должны использовать этот шанс. И ты знаешь: мы не можем идти туда вслепую. Есть вероятность, что в этих пещерах прячутся другие выжившие, – вдруг они не готовы расстелить для нас ковровую дорожку? Особенно если им уже довелось познакомиться с кем-нибудь из глушителей Салливан.

– Или с рекрутами типа нас, – добавляет Зомби.

– Так что я все разведую и через пару дней вернусь.

– Ловлю на слове.

– Это было не обещание.

Больше говорить не о чем. И есть еще миллион вещей, которые нам так и не удалось обсудить. Возможно, мы больше не увидимся. Я знаю, Зомби тоже об этом думает, потому что он произносит:

– Спасибо, ты спасла мне жизнь.

– Я всадила пулю тебе в бок, и теперь ты можешь умереть.

Зомби качает головой. Его глаза блестят от лихорадки. Почему его назвали Зомби? Это похоже на знак. В первый раз я увидела его на плацу. Он отжимался на кулаках: лицо скривилось от напряжения, с рассаженных костяшек на асфальт сочилась кровь.

– Кто этот парень? – спросила я тогда.

– Его зовут Зомби, – был ответ.

Мне сказали, что он сразился с чумой и победил, а я не поверила. Никто не способен на такое. Чума – это смертный приговор. Тогда сержант Резник, инструктор по строевой подготовке, стоял, наклонившись над ним, и орал во всю глотку, а Зомби, в мешковатом комбинезоне, уже превысив предел возможного, делал следующий жим. Не знаю, почему я удивилась, когда он приказал мне выстрелить ему в бок. Таким образом Зомби хотел сдержать невыполнимое обещание, которое дал Наггетсу. Если смотрел в глаза смерти и она сморгнула первой, ты можешь все.

Даже читать чужие мысли.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – говорит Зомби.

– Нет, не знаешь.

– Ты думаешь, не поцеловать ли меня напоследок.

– Зачем ты это делаешь? – спрашиваю я. – Зачем заигрываешь со мной?

Он пожимает плечами. Его улыбка кривится так же, как изгибается все его тело, когда он опирается на стойку.

– Это нормально. Ты разве не скучаешь по обычным вещам? – Он сверлит меня глазами, непонятно, что он постоянно пытается во мне разглядеть. – Ну, знаешь,

я имею в виду рестораны с автораздачей и кино в субботу вечером, вафельные брикеты с мороженым, новые сообщения в «Твиттере»?

Я мотаю головой:

– Меня не было в «Твиттере».

– А в «Фейсбуке»?

Я начинаю злиться. Порой трудно представить, как Зомби умудряется заходить так далеко. Цепляться за то, что мы потеряли, – все равно что надеяться на несбыточное. Обе дороги заканчиваются тупиком под названием «отчаяние».

– Фигня, – говорю я. – Теперь уже все это не имеет значения.

Зомби смеется. Его смех поднимается изнутри, как пузырьки в горячем источнике, и я больше не злюсь. Ясно, что он ставит на свое обаяние, но это понимание ничего не меняет. Вот почему, кроме всего прочего, Зомби иногда выводит меня из равновесия.

– Забавно, – замечает он. – Как много смысла мы придаем всему этому. А знаешь, что действительно важно?

Зомби ждет, что я отвечу. Я чувствую, что он хочет меня подловить, и решаю промолчать.

– Звонок на урок, – говорит он.

Вот теперь он загнал меня в угол. Я понимаю, что тут какой-то фокус, но у меня нет против него приема.

– Звонок?

– Самый обычный звук в мире. И когда все закончится, он снова прозвонит.

Зомби настойчив, – может, волнуется, что до меня не дойдет.

– Подумай об этом! Когда он снова прозвонит, все вернется на свои места. Дети побегут в класс, рассядутся и будут изнывать от скуки, пока не раздастся последний звонок, а потом будут думать о том, чем займутся вечером, в уик-энд, в следующие пятьдесят лет. Им, как и нам, будут рассказывать о природных катастрофах, эпидемиях и мировых войнах. А в конце урока, когда затренькает звонок, все побегут на ланч и будут жаловаться, что картофельные наггетсы сырые. «Да уж, семь миллиардов – реально много. Грустно все это. Ты будешь эти наггетсы?» Это – нормально. Вот что имеет значение.

Похоже, это не шутка.

– Сырые картофельные наггетсы?

– Ладно, хорошо, я кретин.

Зомби улыбается. Зубы у него, по контрасту с отросшей щетиной, кажутся очень белыми. Я думаю о том, будет ли щекотаться его борода, если я его поцелую.

Гоню от себя эту мысль. Обещания бесценны, а поцелуй – это разновидность обещания.

2

Незатуманенный свет звезд проникает сквозь черные космические просторы и окрашивает шоссе перламутровым цветом. Ничто, кроме ветра над вымершей землей, не нарушает зимней тишины.

Я сажусь на корточки за внедорожником и напоследок смотрю на отель. Стандартный белый двухэтажный кубик среди множества таких же кубиков. Всего в четырех милях от лагеря «Приют», превратившегося в огромную воронку стараниями Уокера. В его честь мы и назвали этот отель. Салливан сказала нам, что они с Эваном договорились здесь встретиться. Лично я думала, что здание очень уж близко к «месту преступления», в нем сложно держать оборону, да и вообще – Эван Уокер мертв. Для встречи в условленном месте нужны как минимум двое, о чем я и напомнила Зомби. Мои доводы не были приняты. Если

Уокер действительно был одним из них, он мог найти способ уцелеть.

– Как? – спросила я.

– Там были капсулы для эвакуации, – сказала Салливан.

– И?..

Салливан сдвинула брови и сделала глубокий вдох:

– И... он мог бежать на одной из них.

Я посмотрела ей в глаза. Она не отвела взгляда. Ни я, ни она не вымолвили ни слова. Потом в разговор вступил Зомби:

– Слушай, Рингер, мы должны где-то укрыться. – Тогда он еще не нашел буклет о пещерах. – И попробуем принять его слова на веру.

– Слова о чем? – поинтересовалась я.

– О том, кто он на самом деле. – Зомби взглянул на Салливан, которая продолжала сверлить меня взглядом. – И о том, что он сдержит свое обещание.

– Он обещал, что найдет меня, – объяснила Салливан.

– Грузовой самолет я видела, – сказала я. – Но никаких эвакуационных капсул не заметила.

Бледные щеки Салливан покраснели под веснушками.

– Только из-за того, что ты не видела...

Я повернулась к Зомби:

– Это все бред какой-то. Они опережают нас в развитии на тысячи лет, зачем ему выступать против своих?

– Тут я не стал бы задаваться вопросом «зачем», – с легкой улыбкой заметил Зомби.

– Вся его история какая-то мутная, – заявила я. – Чистое сознание занимает человеческое тело... Если они способны обходиться без физического воплощения, для чего им какая-то планета?

– Может, она нужна для определенных целей, – не отступал Зомби.

– Для каких? Решили заняться животноводством? Или негде проводить отпуск?

Меня не покидало беспокойство, тихий внутренний голос твердил свое: «Что-то тут не так. Что-то не стыкуется». Но я не могла понять, в чем загвоздка. Всякий раз, когда я пыталась ухватить за хвост ответ, он от меня ускользал.

– Тогда не было времени ударяться в детали! – вскинулась Салливан. – Для меня самым главным было спасти брата из лагеря смерти.

Я прекратила разговор. Казалось, у Салливан голова вот-вот взорвется.

Теперь, глядя напоследок на отель, я вижу в окне второго этажа ее голову. И это плохо, по-настоящему плохо, потому что она легкая мишень для снайпера. Следующий глушитель в жизни Салливан может оказаться не таким влюбчивым, как первый.

Я ныряю в полосу деревьев, растущих вдоль дороги. Под ногами хрустят останки осени: листья, сжавшиеся, как кулаки, разбросанные падальщиками человеческие кости. Холодный ветер доносит слабый запах дыма. Мир будет гореть еще сотни лет. Огонь поглотит все, что мы сделали из дерева, пластика, резины и ткани, а потом вода, ветер и время превратят наши постройки из камня и металла в пыль. Как все просто оказалось! Мы-то всегда воображали, что при вторжении инопланетяне уничтожат нас своими бомбами или лучами. На деле им для этого нужны всего лишь небольшая помощь матери-природы и время. И еще, если верить Салливан, человеческие тела. Хотя, по ее же словам, они ни к чему иным.

Что-то тут не сходится. Виртуальная реальность не нуждается в физически существующей планете. Салливан не стала бы меня слушать, а Зомби ведет себя так, будто это все ерунда. Говорит, в чем бы ни была причина, главное – они хотят, чтобы все мы умерли. А остальное не имеет значения.

Может быть. Только я так не думаю.

Из-за крыс.

Я забыла сказать Зомби о крысах.

3

На рассвете я дошла до южной окраины Эрбаны. Полпути пройдено, все по расписанию.

Облака накатывают с севера, восходящее солнце окрашивает их брюхо темно-бордовым цветом. Я пересажу в лесу до заката, а потом пойду по открытой местности к западной части города. Остается только молиться, чтобы облачная пелена повисела тут еще некоторое время, ну хотя бы до того момента, когда я выйду на шоссе с другой стороны города. Идти в обход Эрбаны – значит проделать несколько лишних миль, но если есть что-то более рискованное, чем поход через город днем, так это попытка пересечь его ночью.

Риск. Все всегда сводится к нему.

От промерзшей земли поднимается туман. Холод реальный. Он стягивает щеки, с каждым вдохом сдавливает грудь. Я чувствую, как во мне оживает генетическая тоска по огню. Мы приручили его, и это было нашим первым большим скачком в развитии. Огонь защищал нас, согревал, переключил нас с диеты из ягод и орехов на богатый протеинами мясной рацион. Теперь огонь стал еще одним оружием в арсенале нашего врага. Зима вступает в свои права, и мы оказываемся перед выбором: или замерзнуть до смерти, или послать врагу сигнал о своей дислокации.

Я сажусь на землю, прислоняюсь спиной к дереву и достаю буклет.

«Пещеры Огайо! Самое интересное в штате».

Зомби прав. Если мы не найдем убежище, до весны нам не продержаться, и эти пещеры – наш шанс, вероятно единственный. Возможно, их занял или уничтожил противник. Или в них поселились те, кто уцелел, и они пристрелят любого чужака, показавшегося на горизонте. Но с каждым днем, проведенным в отеле, риск увеличивается в десять раз.

Если с пещерами не выгорит, других вариантов у нас нет. Бежать некуда, прятаться негде, думать о том, чтобы дать бой, – глупо. Завод часов на исходе.

Когда я обрисовала эту картину Зомби, он сказал, что я слишком много думаю. И при этом улыбался. А потом стал серьезным и сказал:

– Не позволяй им забраться тебе в голову.

Как будто это футбольный матч и мне нужна накачка после первого тайма.

«Наплюй на счет пятьдесят шесть – ноль! Просто покажи, кто ты есть!»

В такие моменты хочется дать ему по физиономии, и не потому, что это исправит ситуацию. Мне после этого станет легче.

Ветер стих. В воздухе повисла тишина. Именно та, которая воцаряется перед бурей. Если начнется снегопад, мы окажемся в ловушке. Я – в лесу, Зомби – в отеле. До пещер еще миль двадцать или чуть больше.

Пойти днем по открытой местности или остаться в лесу до полуночи, понадеявшись, что снег не повалит к этому часу?

Все сводится к слову на букву «эр». Все сводится к риску. Рисуем не только мы. Они тоже. Рискует, поселяясь в телах людей, рискует, когда устраивают лагерь смерти и натаскивают детей на то, чтобы те закончили начатый ими геноцид. Все это чертовски рискованно, тупо рискованно. Как с Эваном Уокером: все мимо, все нелогично, все очень-очень непонятно. Открытые атаки были жестоки

в своей эффективности – они уничтожили девяносто восемь процентов из наших ста. И даже Четвертая волна – глушители – имела смысл: трудно организовать серьезное сопротивление, если никто никому не доверяет. Но после этого блестящая стратегия пришельцев начала сыпаться. Десять тысяч лет планировать, как стереть с лица земли людское племя, – и что в итоге? Лучше они ничего не могли придумать? Вот этот вопрос я без конца прокручиваю в голове. Все без толку. Если бы не Чашка и ночи с крысами.

Тишину пронзает слабый стон. У меня за спиной и чуть левее, глубже в лесу. Я мгновенно опознаю этот звук – с тех пор как появились инопланетяне, слышала его тысячу раз. В самом начале вторжения он был практически повсюду. Фоновый шум, как гул машин на загруженном шоссе, – стон, который издают люди, когда им больно.

Достаю из рюкзака окуляр и аккуратно устанавливаю его над левым глазом. Не торопясь. Без паники. Паника убивает нервные клетки. Встаю, проверяю предохранитель винтовки и медленно иду между деревьями на звук. Сканирую все вокруг на предмет предательского зеленого огонька, который выдаст присутствие инвазированного. Туман окутывает деревья, мир драпирован в белое. Мои шаги гремят по промерзшей земле. Мое дыхание как сверхзвуковые хлопки.

Тонкий белый занавес приоткрывается, и в двадцати ярдах впереди я вижу фигуру человека, который сидит, привалившись спиной к дереву. Руки лежат на коленях, голова откинута. Она не светится в моем окуляре, значит он – не гражданский, он – часть Пятой волны.

Целюсь ему в лоб:

– Руки! Покажи мне свои руки!

Его нижняя челюсть отвисла. Пустые глаза смотрят сквозь поблескивающие ото льда ветки на серое небо. Я подхожу ближе. Рядом с ним лежит винтовка, точно такая же, как моя. Он к ней не тянется.

– Где остальные из твоего отделения? – спрашиваю я.

Он не отвечает.

Опускаю винтовку. Я идиотка. В такую погоду от дыхания идет пар, а его не видно. Должно быть, стон, который я слышала, был последним. Медленно, задержав выдох, оборачиваюсь на триста шестьдесят градусов. Ничего, кроме тумана и деревьев. Ни звука, только кровь стучит в ушах. Без паники. Паника убивает.

Такая же винтовка, как у меня. Такая же форма. И рядом на земле – окуляр. Он из Пятой волны, это точно.

Изучаю его лицо. Оно кажется мне смутно знакомым. Прикидываю, что солдату лет двенадцать-тринадцать, как Дамбо. Становлюсь рядом с ним на колени и надавливаю пальцами ему на шею. Пульса нет. Я расстегиваю его куртку и задираю рубашку, чтобы посмотреть рану. Его подстрелили в живот. Пуля крупнокалиберная.

Выстрела я не слышала. Либо он лежит здесь уже довольно давно, либо стрелявший использовал глушитель.

Глушитель.

Если верить Салливан, Эван Уокер лично уничтожил целое отделение. Ночью, раненный, сражался против превосходящих сил противника. Вроде бы разминался, перед тем как в одиночку стереть с лица земли военную базу. Тогда было трудно в это поверить. Сейчас передо мной мертвый солдат из отделения ПБВ – пропавших без вести. Есть только я, тишина в лесу и завеса белого тумана.

Теперь это уже не кажется фантастической историей.

«Думай. Думай скорее. Без паники. Это как шахматы. Оцени шансы. Просчитай риски».

У меня два выхода. Остаться на месте, пока что-то не случится или не настанет ночь. Или убраться из леса, и побыстрее. Тот, кто шлепнул этого пацана, может быть уже в милях отсюда, а может прятаться за деревом и выжидать момент для прицельного выстрела.

Вариантов тьма. Где его отделение? Убиты? Преследуют того, кто застрелил мальчишку? А вдруг это сделал рекрут, который стал Дороти? Забудь о его отделении. Что будет, когда подтянется подкрепление?

Достаю нож. После того как я обнаружила тело, прошло пять минут. Если бы кто-то знал, что я здесь, меня бы уже не было. Подожду до темноты. Только надо подготовиться к тому, что на меня накатит отголосок Пятой волны.

Я ощупываю сзади шею солдата, пока не нахожу крохотный бугорок под шрамом.

«Сохраняй спокойствие. Это как шахматы. Ход – ответный ход».

Аккуратно делаю надрез по шраму, пока на кончике лезвия в капельке крови не появляется маленькая гранула.

«Так мы всегда будем знать, где вы. Так мы гарантируем вашу безопасность».

Риск. Риск засветиться в окуляре. Противоположный риск – враг одним нажатием кнопки поджарит твои мозги.

Гранула в крови. Жуткая неподвижность деревьев, колючий холод и туман, окутавший ветки, похожие на скрюченные пальцы. И голос Зомби у меня в голове: «Ты слишком много думаешь».

Прячу гранулу за щеку. Глупо. Надо было сначала обтереть. Теперь во рту вкус крови.

4

Я здесь не одна.

Я не вижу его, не слышу, но я его чувствую. Каждый дюйм моего тела покалывает оттого, что за мной наблюдают. Неприятное и теперь уже знакомое

ощущение, оно со мной с самого начала. Чужой корабль-носитель завис над Землей, и за каких-то десять дней вся построенная людьми система затрещала по швам. Другой вид вирусной чумы: неуверенность, страх, паника. Забитые шоссе, заброшенные аэропорты, разграбленные отделения неотложной помощи в больницах, попрятавшееся по бункерам правительство, нехватка еды и топлива, где-то – военное положение, где-то – анархия. Лев крадется в высокой траве. Газель нюхает воздух. Гробовая тишина перед броском. Впервые за десять тысяч лет мы познали, каково это – снова быть добычей.

Деревья облепили вороны. Блестящие черные головы, пустые черные глаза. Их горбатые силуэты напоминают мне маленьких старичков на скамейках в парке. Птиц тут сотни – сидят на ветках, скачут по земле. Я смотрю на мертвого, его глаза пусты и бездонны, как у этих пожирателей трупов. Я знаю, почему они здесь. Они голодны.

И я тоже, поэтому достаю из своего мешочка вяленое мясо и немного просроченный мармелад «Мишки Гамми». Есть рискованно – для этого придется вытащить изо рта гранулу. Но надо быть начеку, а чтобы сохранять бдительность, нужна энергия. Вороны наблюдают за мной, наклоняя голову набок, будто прислушиваются к тому, как я жую.

«Жирные твари. С чего вы такие голодные?»

Атаки иных принесли вам тонны мяса. В разгар чумы небо почернело от вороньих стай, их тени скользили по тлеющей земле. Вороны и другие пернатые падальщики замкнули петлю Третьей волны. Они питались трупами зараженных, а потом разносили вирус по другим территориям.

Я могу ошибаться. Возможно, мы тут одни: я и мертвый мальчишка. Чем больше проходит секунд, тем безопаснее я себя чувствую. Если кто-то за мной и наблюдает, то, думаю, есть только одна причина, по которой он еще не выстрелил: он выжидает, хочет посмотреть, не появятся ли еще глупые детишки, играющие в солдатиков.

Я заканчиваю с завтраком и возвращаю гранулу за щеку. Минуты ползут еле-еле. Один из самых труднодостижимых моментов после вторжения – если не говорить о том, что на твоих глазах мучительной смертью умерли все, кого ты знала и любила, – это торможение времени при растущей плотности событий.

Десять тысяч лет на построение цивилизации – и десять месяцев на то, чтобы ее уничтожить. И каждый день длится дольше предыдущего, а ночи проходят в десять раз медленнее, чем дни. Единственное, что выматывает больше, чем скука от растянутого времени, – это страх от осознания того, что любая минута может оказаться последней в твоей жизни.

Утро. Туман поднимается, и начинает сыпать снежная крупа. Ни ветерка. Деревья словно задрапированы блестящим белым саваном. Если снегопад будет таким слабым весь день, я спокойно продержусь до темноты.

Если не засну. Я не спала больше двадцати часов, и теперь мне тепло, комфортно. Кажется, уплываю.

В полупрозрачной тишине паранойя набирает обороты. Моя голова в перекрестке его прицела. Он высоко на дереве; он, как лев в засаде, замер в кустах. Я для него загадка. Мне следовало бы запаниковать. Поэтому он и не стреляет. Решил отпустить ситуацию. Должна же быть причина, из-за которой я болтаюсь тут рядом с трупом.

Но я не паникую, не срываюсь с места, как перепуганная газель. Я больше, чем сумма моих страхов.

Страхом их не победить. Ни страхом, ни верой, ни надеждой и даже не любовью. Только злостью и яростью.

«Пошел ты», – сказала Салливан Вошу.

Это единственный момент в ее истории, который произвел на меня впечатление. Она не плакала. Не молилась. Не умоляла.

Салливан думала, что все кончено, а когда стрелка часов отсчитывает последнюю секунду, нет времени плакать, молиться и умолять.

– Пошел ты, – шепчу я, и мне становится легче.

Я повторяю эти два слова громче. Мой голос далеко разносится в зимнем воздухе.

Хлопки черных крыльев в лесу справа от меня, недовольный галдеж ворон, и я в окуляр вижу, как на белом и коричневом фоне мигает маленькая зеленая точка.

«Я тебя засекла».

Выстрел будет трудным. Но трудно не значит невозможно. Я в жизни не держала в руках огнестрельного оружия, пока враг не нашел меня на площадке для отдыха на границе Цинциннати. Они отвезли меня в свой лагерь и дали в руки винтовку. Тогда сержант по строевой подготовке вслух поинтересовался, не заслало ли командование в его отделение рингера. Шесть месяцев спустя я всадила пулю ему в сердце.

У меня дар.

Ярко-зеленый огонек приближается. Может, враг знает, что я его засекла. Это не важно. Я поглаживаю пальцем спусковой крючок и наблюдаю в прицел за светящимся пятнышком. Вероятно, он думает, что я с такого расстояния его не достану, или выбирает более выгодную позицию.

Не важно.

Это, может быть, один из бесшумных убийц Салливан. Или какой-нибудь бедолага из выживших, который пытается спасти свою шкуру.

Не важно. Теперь имеет значение лишь одно – риск.

5

В отеле Салливан рассказала мне историю о том, как она застрелила одного солдата за холодильниками с пивом и как ей после этого было плохо.

– У него был не пистолет, – пыталась объяснить она, – а распятие.

– Почему это так важно? – спросила я. – Это могло быть что угодно – кукла Реггеди Энн[1 - Реггеди Энн – традиционная американская тряпичная кукла с волосами из красной или рыжей пряжи.] или пакетик «M&M». Какой у тебя был выбор?

– У меня его не было. Я об этом и говорю.

Я покачала головой:

– Порой оказываешься в неправильном месте в неподходящее время, и никто не виноват в том, что? в тот момент происходит. Ты просто хочешь, чтобы тебе было плохо, и тогда тебе становится легче.

– Хочу чувствовать себя плохо, чтобы стало легче? – От злости Салливан так раскраснелась, что даже веснушки на щеках исчезли. – Да это бред какой-то.

– «Я убила ни в чем не повинного парня, посмотрите, как я казню себя за это», – объяснила я. – А парень все равно мертв.

Салливан долго смотрела на меня, а потом сказала:

– Ладно. Теперь я понимаю, почему Вош хотел, чтобы ты была в нашей команде.

Зеленая точка приближается ко мне. Она петляет между деревьями, и я различаю за слабым снегопадом, как поблескивает ствол. Это не распятие, тут я больше чем уверена.

Сижу в обнимку с винтовкой, прислонившись к дереву, будто дремлю или люблюсь снежинками, порхающими между блестящими ветками.

Лев в высокой траве.

Расстояние – пятьдесят ярдов. Скорость пули от M-16 – три тысячи сто футов в секунду. В ярде три фута, значит противнику осталось жить на земле две трети секунды.

Надеюсь, он распорядится ими с умом.

Я поворачиваю винтовку, распрямляю плечи и выпускаю пулю, которая замкнет круг.

Стаи ворон срываются с деревьев: бунт черных крыльев, резкая раздраженная ругань. Зеленое светящееся пятнышко падает и не поднимается.

Я жду. Лучше не спешить и посмотреть, что будет дальше. Пять минут. Десять. Ни звука. Ни движения. Ничего, только оглушающая снежная тишина. Без птиц лес кажется совсем пустым. Не отрывая спины от ствола дерева, я медленно встаю на ноги и выжидаю еще пару минут. Теперь я снова вижу зеленый огонек. Он на земле и не движется. Я переступаю через тело мертвого рекрута. Сухие, промерзшие листья хрустят у меня под ботинками.

Каждый шаг приближает к концу слабеющий завод часов. На полпути я понимаю, что сделала.

Рядом с упавшим деревом, свернувшись клубочком, лежит Чашка. У нее на лице крошки от прошлогодней листвы.

За пустыми холодильниками для пива умирающий человек прижимает к груди чертово распятие. У той, кто его убил, не было выбора. Они не оставили ей его. Потому что это рискованно. Для нее. Для них.

Я опускаюсь рядом с Чашкой на колени. Глаза у нее широко открыты от боли. Она тянется ко мне. Ее ладони, алые от крови, в паутине снегопада становятся темно-малинового цвета. Ей нечем дышать.

- Чашка, - шепотом говорю я. - Чашка, что ты здесь делаешь? Где Зомби?

Сканирую окрестность, но не вижу его и не слышу, и никого другого тоже. У Чашки на губах пузырится кровь. Она задыхается. Я осторожно поворачиваю ее лицо к земле, чтобы она могла очистить рот.

Чашка, наверное, слышала, как я выругалась. Так она меня и нашла, по моему голосу.

Чашка кричит. Ее крик разрывает тишину, рикошетом отскакивает от деревьев. Это недопустимо. Я зажимаю ладонью окровавленные губы Чашки и говорю, чтобы она замолчала. Неизвестно, кто застрелил мальчишку, которого я нашла, но убийца, кем бы он ни был, не мог уйти далеко. Если звук моего выстрела не привел его обратно, чтобы разведать, в чем тут дело, то на крик Чашки он может вернуться.

– Черт, заткнись ты. Тихо. Что ты здесь делаешь? Зачем подкрадывалась ко мне, маленькая засранка? Дура. Какая же ты дура, дура, дура.

Чашка яростно царапает меня по рукам. Ее тоненькие пальчики ищут мое лицо. Мои щеки окрашиваются в багровый цвет. Свободной рукой расстегиваю ее куртку. Надо зажать рану, иначе девчонка истечет кровью.

Я хватаю ее за воротник рубашки и резко дергаю вниз. Теперь мне видно ее тело. Комкаю ткань и прижимаю к ране под грудной клеткой. Чашка дергается от моих прикосновений и давится от плача.

– Чему я тебя учила, солдат? – шепотом спрашиваю я. – Какой первый приоритет?

Влажные губы скользят по моей ладони. Слов не слышно.

– Никаких плохих мыслей, – говорю я. – Никаких плохих мыслей. Никаких плохих мыслей. Потому что плохие мысли делают нас слабыми. Они делают нас слабыми. Слабыми. Слабыми. А мы не можем стать слабыми. Не можем. Что будет, если мы станем слабыми?

Лес заполнили зловещие тени. Откуда-то из чащи доносится треск. Промерзшая земля хрустнула под ботинком? Или сломалась обледеневшая ветка? Нас может окружать сотня врагов. Или вокруг нет ни одного.

Я лихорадочно перебираю в уме варианты действий. Их не так-то много. И все – отстой.

Первый: мы не двигаемся с места. Вопрос: ради чего? Отделение мертвого рекрута пропало без вести. Тот, кто его убил, тоже исчез. У Чашки нет шансов выжить без медицинской помощи. У нее остались даже не часы, а минуты.

Вариант второй: мы бежим. Вопрос: куда? В отель? Чашка истечет кровью до того, как мы туда доберемся. В пещеры? Идти через Эрбану рискованно, следовательно, придется приплюсовать еще несколько миль и часов пути по открытой местности. И это закончится тем, что мы придем к месту, которое так же небезопасно.

Есть еще третий вариант. Немыслимый и самый разумный из всех.

Снегопад усиливается, белый свет сменяется серым. Я придерживаю голову Чашки одной рукой, а другой зажимаю рану. Но я понимаю, что это бесполезно. Моя пуля попала ей в живот. Рана – смертельная.

Чашка умрет.

Я должна ее оставить. Прямо сейчас.

Но я этого не делаю. Не могу. В ночь, когда лагерь «Приют» взлетел на воздух, я сказала Зомби: как только мы решим, что одна человеческая жизнь ничего не значит, – они выигрывают. И теперь эти мои слова цепью сковывают меня с Чашкой.

Я обнимаю ее в жуткой, смертельной тишине заснеженного леса.

6

Я опускаю ее на землю. Ее лицо почти такое же белое, как снег, рот приоткрыт, веки подрагивают. Чашка теряет сознание, и я понимаю, что она уже больше не очнется.

У меня дрожат руки. Я пытаюсь с этим справиться. Я зла как черт на нее, на себя, на миллиарды вариантов, из которых, по причине вторжения, нельзя сделать выбор. Злюсь на ложь, на сводящие с ума нестыковки и на все глупые, безнадежные, по-тупому не высказанные обещания, которые сразу же были нарушены.

«Нельзя быть слабой. Думай о том, что важно. Важно здесь и сейчас. Ты это умеешь».

Я решаю ждать. Это не продлится долго. Возможно, после того, как она умрет, слабость меня отпустит и я смогу снова четко мыслить. Каждая минута без происшествий означает, что у меня еще есть время.

Но мир – это часы с заводом на исходе, и больше нет ни одной минуты, в течение которой ничего не случается.

Проходит всего секунда с того момента, как я решаю остаться с Чашкой, и тишину разрывает треск вертолетных роторов. Этот звук лишает иллюзий. Правильно оценивать ситуацию я умею не хуже, чем стрелять.

Я не могу позволить им взять Чашку живой.

В этом случае им, возможно, удастся ее спасти. А если так, они проведут ее через «Страну чудес». Существует очень слабенький шанс, что Зомби пока еще в безопасности. Это вероятность того, что Чашка не бежала от чего-то, а просто улизнула тайком, чтобы найти меня. Стоит одному из нас отправиться «вниз по кроличьей норе», и все погибнут.

Я достаю из кобуры пистолет.

«Минута, когда мы принимаем решение...» Хотела бы я, чтобы у меня была минута. Или тридцать секунд. Тридцать секунд в подобной ситуации – целая жизнь. А минута – так просто вечность.

Я нацеливаю пистолет ей в голову и поднимаю лицо к серому небу. Снег падает мне на щеки, вздрагивает и тает.

У Салливан был свой солдат с распятием, теперь у меня есть свой.

Нет. Я – солдат. Чашка – распятие.

И тогда я чувствую его присутствие. Он неподвижно стоит за деревьями и наблюдает за мной. Я высматриваю его и наконец замечаю между темными стволами более светлый человеческий силуэт. Мы оба не двигаемся. Я твердо знаю – непонятно, откуда эта уверенность, – это он убил пацана и всех солдат его отделения. И мне совершенно ясно, что стрелок не может быть рекрутом. В моем окуляре его голова не светится.

Снег кружится, холод кусается, я смаргиваю, и силуэт исчезает. Как будто его там и не было.

Я теряю хватку. Слишком много вариантов. Чересчур велик риск. Меня трясет, и я ничего не могу с этим сделать. Может, им все-таки удалось меня сломать? После цунами, уничтожившего мой дом, после чумы, забравшей мою семью, после лагеря смерти, отнявшего у меня надежду, невинная маленькая девочка приняла на себя мою пулю, и теперь со мной все кончено, я выдохлась, у меня ничего не осталось. Это никогда не касалось возможностей пришельцев, это всегда было вопросом времени.

Вертолеты снижаются. Мне надо закончить то, что я собиралась сделать с Чашкой, или придется лечь рядом с ней на снегу.

Я опускаю ствол пистолета и смотрю на белое ангельское личико девочки, которая лежит у моих ног. Моя жертва, мой крест.

Рев «блэкхоуков» усиливается, и мои мысли становятся похожи на писк маленьких умирающих грызунов.

«Это как с крысами, да, Чашка? Ничего такого, просто как с крысами».

Старый отель кишел паразитами. Холод поубивал тараканов, но клопы и ковриковые жучки выжили и продолжали размножаться. И они были голодны. Нас всех в первый же день перекусили. В подвале, куда во время чумы сносили трупы, хозяйничали мухи. К моменту нашего «заселения» большинство из них передохло. Их было так много, что, когда мы вошли в отель и спустились в подвал, они хрустели у нас под ногами. Больше мы туда не совались.

Все здание провоняло гнилью. Я предложила Зомби открыть окна, чтобы проветрить комнаты и разогнать паразитов. Он ответил, что лучше терпеть вонь и духоту, чем замерзнуть до смерти. Когда он улыбался, невозможно было устоять перед его обаянием.

«Расслабься, Рингер. Это просто еще один день в чужом диком мире».

Клопы и мерзкий запах Чашку не беспокоили. Ее сводили с ума крысы. Они прогрызали ходы в стенах, скреблись по ночам и не давали ей (а значит, и мне) спать. Чашка ворочалась, металась, хныкала и ругалась, она была буквально одержима крысами, потому что любые другие мысли о ситуации, в которой мы оказались, пугали еще больше. В тщетных попытках отвлечь Чашку я решила научить ее играть в шахматы. Вместо доски с фигурами я использовала полотенце и монеты.

- Шахматы - глупая игра для глупых людей, - просветила меня Чашка.

- Нет, это очень даже демократичная игра, - сказала я. - Умные в нее тоже играют.

Чашка закатила глаза:

- Ты хочешь играть только потому, что сможешь меня победить.

- Нет, я хочу поиграть, потому что соскучилась по шахматам.

У Чашки даже челюсть отвисла.

- Ты по этой игре скучаешь?

Я разостлала на кровати полотенце и разложила мо-нетки:

- Ты лучше сначала попробуй, а потом решай, нравится или нет.

Я начала играть в шахматы, когда мне было примерно столько же, сколько и Чашке. Помню красивую деревянную доску на столике в кабинете отца. Блестящие фигуры из слоновой кости. Суровый король. Надменная королева. Благородный конь. Величественный слон. И сама игра, в которой каждая фигура влияла на все сражение. Игра простая. Игра сложная. Жесткая и изящная. Война и танец. У нее были границы, и она была беспредельна. Она была как сама жизнь.

- Пенни - это пешки, - объясняла я Чашке. - Никели[2 - Никель - американская монета в пять центов.] - туры, десятицентовики - кони и слоны, четвертаки - короли и королевы.

Чашка покачала головой: «Рингер - безмозглая дура».

- Как десятицентовики и четвертаки могут быть сразу теми и другими?

- Орел - кони и короли, решка - слоны и королевы.

Прохладные фигуры из слоновой кости скользят по бархатной подкладке на полированной доске. Этот звук похож на шепот далекого грома. Мой отец склоняется над доской. На худом небритом лице залегли глубокие тени. Глаза с красными прожилками, губы поджаты. Густой и сладкий запах алкоголя. Пальцы стучат по столешнице, как крылья колибри.

«Шахматы называли игрой королей, Марика. Ты хочешь научиться в нее играть?»

- Это игра королей, - говорю я Чашке.

- Так я и не король. - Она скрещивает руки на груди и смотрит на меня снисходительно. - Мне нравятся шашки.

- Тогда ты и шахматы полюбишь. Шахматы - это шашки на стероидах.

Отец отбивает дробь коротко подстриженными ногтями. Крысы скребутся в простенках.

- Чашка, смотри, вот так ходит слон.

«Марика, вот так ходит конь».

Она засовывает в рот засохший пластик жвачки и зло жует. Он рассыпается в крошки. Мятное дыхание. От отца пахнет виски. Скребют когти, отстукивают дробь пальцы.

- Ты просто попробуй, - уговариваю я Чашку. - Тебе понравится. Обещаю.

Чашка хватается полотенце за край:

- Вот как мне нравится.

Я предвидела, что это произойдет, но все равно вздрогнула, когда Чашка рванула полотенце и монетки взлетели в воздух. Один никель угодил ей в лоб, но она даже не моргнула.

- Ха! - крикнула Чашка. - Дай угадаю. Тебе, кажется, мат, сучка.

Я среагировала не задумываясь. Дала ей оплеуху:

- Никогда не смей так меня называть. Никогда.

От холода пощечина получилась больнее. Чашка выпятила нижнюю губу, на глаза у нее навернулись слезы, но она не заплакала.

- Ненавижу тебя, - сказала она.

- Мне плевать.

- Да, Рингер, я тебя ненавижу. Всю до твоих гребаных потрохов.

- Знаешь, ты не становишься взрослее, оттого что ругаешься.

- Тогда, значит, я - маленькая. Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Долбаное дерьмо! - Чашка ощупала свою щеку и перестала сквернословить. - Я не обязана тебя слушаться. Ты мне не мама и не сестра, ты мне вообще никто.

- Тогда почему, как только мы ушли из лагеря, ты прилепилась ко мне, как рыба-лоцман?

После этого она действительно заплакала. Одна слезинка покатила по ее красной от пощечины щеке. Чашка была бледной и хрупкой, ее кожа светилась, как одна из белых шахматных фигур моего отца. Я даже удивилась, что она не рассыпалась от моего удара на тысячу осколков. Я не знала, что сказать, как взять свои слова обратно, поэтому промолчала и просто положила ладонь ей на коленку. Чашка сбросила мою руку.

- Я хочу назад свою винтовку, - заявила она.

- Зачем тебе винтовка?

- Чтобы пристрелить тебя.

- Тогда ты точно не получишь ее обратно.

- А чтобы перестрелять всех крыс?

Я вздохнула:

- У нас нет столько патронов.

- Тогда мы их перетравим.

- Чем?

Чашка подняла руки вверх:

- Ладно, тогда подождем отель, и они все сгорят!

- Это отличная идея, только тогда и нам негде будет жить.

- В таком случае они победят. Нас одолеет банда крыс.

Я никак не могла поспеть за ее мыслью и тряхнула головой:

- Победят... Как?

Чашка от удивления выпучила глаза. Рингер – умственно отсталая, ничего не понимает.

- Ты послушай, что они делают! Они едят стены. Очень скоро нас здесь не будет, потому что и место это исчезнет!

- Ну какая же это победа, – заметила я. – Тогда крысам тоже будет негде жить.

- Рингер, они крысы. И не умеют соображать наперед.

«Дело не только в крысах», – размышляла я той ночью, когда Чашка наконец заснула у меня под боком.

Я слушала, как они бегают в простенках, как грызут, скребут и пищат, и думала о том, что когда-нибудь погода, паразиты и время разрушат этот старый отель. Еще одна сотня лет, и от него уцелеет только фундамент. А через тысячу – вообще ничего не останется. Ни здесь, ни где-то еще. Все будет так, будто нас никогда не существовало. Зачем использовать бомбы, которые были в лагере «Приют», если пришельцы в состоянии повернуть против нас силы природы?

Холод пробирался даже под грудой одеял, и Чашка тесно прижималась ко мне. Зима – та волна, которую им не было нужды моделировать. Она убьет еще тысячи.

«Марика, все имеет значение, – говорил отец во время одного из шахматных уроков. – Каждый ход важен. Мастерство в том, чтобы понимать, что и насколько существенно в данный момент».

Я вся извелась. С крысами надо было что-то решать. Это не давало мне покоя. Не проблема Чашки. Проблема с крысами. Крысиный вопрос.

9

Сквозь голые, белые от снега ветки деревьев я вижу, как приближаются вертолеты. Три черные точки на сером фоне. У меня в распоряжении секунды.

Вариантов несколько.

Добить Чашку и попробовать обыграть три «блэкхоука» с «хеллфайерами».[3 - AGM-114 Hellfire (англ.) – буквально «адское пламя», ракета класса «воздух—земля» с полуактивным лазерным наведением.]

Оставить Чашку, чтобы они ее уничтожили или, что хуже, спасли.

И последний: покончить со всем этим. Пуля – для нее. Пуля – для меня.

Неизвестно, где Зомби. Непонятно, что именно – если это что-то вообще было – заставило Чашку сбежать из отеля. Нет сомнений лишь в одном: наша смерть может стать единственным шансом на выживание для Зомби.

Я заставляю себя нажать на спусковой крючок. Если смогу выстрелить в первый раз – во второй будет уже намного легче. Я говорю себе, что слишком поздно. Слишком поздно для нее, слишком поздно для меня. От гибели не уйти. Разве не этот урок они месяцами вдалбливали нам в голову? От этого не спрячешься и не убежишь. Ну, сумеешь выжить сегодня, а завтра смерть все равно тебя найдет.

Она такая красивая, просто нереально красивая: лежит в гнездышке из снега, черные волосы поблескивают, как оникс, а лицо безмятежное, словно у древней статуи.

Я понимаю, что наша с ней смерть поможет уменьшить риск для большинства людей. И еще я снова думаю о крысах, о том, как мы с Чашкой, чтобы скоротать

нескончаемые часы в отеле, планировали кампанию по их уничтожению. Мы разрабатывали стратегию и тактику, воображали, как будем изматывать их своими атаками. Каждый новый план был нелепее прежнего. Мы обсуждали это, пока Чашка не заливалась истеричным смехом. И тогда я сказала ей те же слова, что говорила Зомби на стрельбище. Этот урок теперь возвращается ко мне. Страх, который сводит убийцу с жертвой, и пуля, которая связывает их, как серебряная пуповина. Теперь я – и убийца и жертва, и сейчас все совершенно иначе. У меня во рту сухо, будто его обработали стерильным воздухом, сердце холодное. Температура настоящей ненависти – абсолютный ноль, моя ненависть глубже океана и шире вселенной.

Так что вовсе не надежда заставляет меня убрать пистолет в кобуру. Это не вера и, уж конечно, не любовь.

Это ненависть.

Ненависть и гранула мертвого рекрута, которая все еще лежит у меня за щекой.

10

Я поднимаю Чашку. Ее голова падает мне на плечо. Бегу между деревьями. Над головой грохочет «блэкхоук». Другие два отделились: один пошел на восток, второй – на запад. Отрезают пути отхода. Тонкие ветки прогибаются. Снег хлещет по лицу. Чашка практически ничего не весит, она не намного тяжелее, чем ее одежда.

Выскакиваю из леса на дорогу, и одновременно с севера заходит вертолет. Поток воздуха развеивает мои волосы. Железная стрекоза зависает над нами, а мы замираем посреди дороги. Все. Дальше бежать некуда.

Опускаю Чашку на асфальт. «Блэкхоук» так близко, что я вижу черный визор пилота, открытую дверь и группу людей внутри. Я знаю, что нахожусь на пересечении полудюжины прицелов. Я и маленькая девочка, которая лежит у моих ног. Каждая прошедшая секунда означает, что я сумела ее пережить, и с каждой такой секундой увеличивается вероятность, что я переживу следующую.

Может быть, еще не слишком поздно для меня и для Чашки. Пока еще есть время.

Я не свечусь зеленым светом в их окулярах. Я – одна из них. Должно быть так, верно?

Я снимаю винтовку с плеча и просовываю палец в спусковую скобу.

II

Чистка

11

Едва я научилась ходить, отец меня спрашивал: «Кэсси, хочешь полетать?»

И я тянула руки вверх: «Ты шутишь, старина? Конечно, я чертовски хочу летать!»

Он хватал меня за талию и подбрасывал в воздух. Моя голова запрокидывалась, я, как ракета, взмывала в небо. В то мгновение, которое тянулось тысячу лет, мне казалось, что я буду так мчаться до самых звезд. Я вопила от радости и жуткого страха, как кричат на русских горках, и пыталась ухватиться пальцами за облака.

«Лети, Кэсси, лети!»

Моему брату тоже было знакомо это чувство полета. И лучше, чем мне, потому что его воспоминания были более свежими, чем мои. Даже после Прибытия отец «забрасывал его на орбиту». Я видела, как он делал это в лагере «Погребальная яма». А через несколько дней прибыл Вош и убил его, лежащего в грязи.

«Сэм, мой мальчик, хочешь полетать?»

Задавая этот вопрос, отец понижал голос и говорил басом, как какой-нибудь хитрый делец в старые добрые времена, хотя путешествие, которое он предлагал, было бесплатным... и бесценным. Отец был страховочным фалом, который не давал Сэмми – и мне – улететь в пустоту космоса, а теперь он сам стал пустотой.

Я ждала, когда Сэм спросит меня об отце. Это самый легкий способ сообщить страшную новость. И самый низкий. Но брат не стал спрашивать.

– Папа умер, – сказал он мне.

Маленький комочек под горой одеял. На меня смотрели карие глаза, большие, круглые и пустые, как у мишки, которого он прижимал к щеке.

«Мишки Тедди для детей, – сказал мне Сэм в первую ночь в отеле „Ад“. – Я теперь солдат».

На соседней с ним кровати зарылся в одеяла и мрачно глядит на меня еще один маленький вояка – семилетняя девочка, которую зовут Чашка. У нее чудесное, будто у куколки, личико и безумные глаза. Эта малышка не спит с мягкими игрушками. Она спит с винтовкой.

Добро пожаловать в эру постчеловека.

– О Сэм... – Я бросила свой пост у окна и присела на кровать рядом с коконом из одеял. – Сэмми, я не знала, как...

Он сильно бьет меня в щеку кулаком размером с яблоко. Я не ожидала, что он это сделает, то есть меня застали врасплох его слова, а вот теперь – удар. В глазах вспыхивают яркие звезды. Я даже на секунду испугалась, что у меня отслоилась сетчатка.

«Хорошо, – думаю я, потирая скулу, – ты это заслужила».

– Почему ты позволила ему умереть? – требовательно спрашивает Сэмми.

Он не плачет и не переходит на крик. Он говорит тихо, и голос его дрожит от закипающей злости.

– Я не позволяла, Сэм.

Отец, истекая кровью, ползет по грязи.

«Куда ты, папа?»

Над ним стоит Вош и наблюдает. Так маленький садист серьезно и с удовлетворением изучает муху, которой только что оторвал крылья.

– Врежь ей еще раз.

Это сказала Чашка со своей кровати.

– Заткнись, ты! – прорычал Сэмми.

– Это не моя вина, – прошептала я и обняла одной рукой мишку.

– Он был слабым, – заявила Чашка. – Вот что случается, когда становишься...

Сэм за две секунды оказался на ней верхом. Потом я видела только мелькающие кулаки и ноги в облаках пыли от старых одеял.

Господи, на той кровати лежала винтовка!

Я отбросила Чашку в сторону и обхватила Сэмми. Я прижимала его к груди, он размахивал кулачками, пинал воздух, плевался, скрежетал зубами. А Чашка по-всякому его обзывала и грозила, что порвет зубами, если он еще хоть раз ее тронет. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Бен, в своей дурацкой желтой толстовке.

– Все нормально! – заорала я, перекрикивая визг Сэмми и Чашки. – Все под контролем!

– Чашка! Наггетс! Встать! – скомандовал Бен.

Дети, как только услышали приказ, сразу замолчали. Как будто кто-то щелкнул выключателем. Сэм обмяк у меня в руках, а Чашка переметнулась к спинке кровати и скрестила руки на груди.

– Это она начала, – сказал Сэм и надул губы.

– А я уж начал подумывать о том, что пора нарисовать на крыше большой красный крест, – произнес Бен, убирая пистолет в кобуру. – Спасибо, ребята, что избавили меня от этой необходимости. Ну а пока Рингер не вернется, Чашке лучше занять койку в моем номере, – улыбнулся он мне.

– Отлично! – воскликнула Чашка.

Она промаршировала к двери, потом развернулась на пятках, бросилась к своей кровати, схватила винтовку и дернула Бена за руку:

– Идем, Зомби.

– Я сейчас, – мягко ответил он. – Дамбо на посту, займи его кровать.

– Теперь она будет моя. Пока, придурки, – не удержалась Чашка, которая считала, что последний выстрел должен остаться за ней.

– Сама ты дура! – крикнул Сэмми ей вслед.

Дверь легко захлопнулась с отрывистым, характерным для всех гостиничных дверей щелчком.

– Дура, – повторил Сэмми.

Бен посмотрел на меня и приподнял правую бровь:

– Что с твоим лицом?

- Ничего.

- Я ее ударил, - признался Сэмми.

- Ты ее ударил?

- За то, что она позволила умереть моему папе.

И в этот момент Сэм уже не смог сдержаться. Он не бросился на меня с кулаками, он расплакался. Следующее, что я помню, - Бен опустился на колени, а мой младший брат плакал у него на руках.

- Эй, все хорошо, солдат. Все будет хорошо, - говорил Бен.

Он гладил Сэмми по коротким волосам и все повторял дурацкое прозвище, которое дали моему брату в лагере. Я никак не могла привыкнуть, что он подстрижен ежиком, без буйной копны на голове я его просто не узнавала.

Наггетс, Наггетс.

Я понимала, как это глупо, но мне не давало покоя то, что у всех ребят были вымышленные имена, а у меня - нет. Я бы выбрала для себя Дефианс.[4 - Defiance (англ.) - открытый протест, неповиновение.]

Бен взял Сэмми на руки и усадил его на кровать. Потом он подобрал с пола игрушечного медведя и устроил его на подушке. Сэм скинул мишку на пол. Бен снова его поднял.

- Ты правда хочешь комиссовать Тедди? - спросил он.

- Его зовут не Тедди.

- Рядовой мишка, - попробовал пошутить Бен.

- Просто мишка, и я больше не хочу его видеть! - заявил Сэмми и укрылся с головой одеялом. - А теперь уходи! Все. Все уходите!

Я шагнула к брату, но Бен шикнул на меня и кивнул в сторону двери. Я пошла следом за ним из номера. У окна в конце коридора маячил кто-то большой и неповоротливый. Мальчишка, которого все зовут Кекс. Он не разговаривает, но его молчание не вызывает каких-то жутких ощущений, оно, скорее, похоже на безмолвие горного озера. Бен прислонился спиной к стене. Он прижимал к груди мишку и тяжело дышал, приоткрыв рот. Температура в отеле была ниже нуля, но Бен все равно покрылся испариной. Если он после возни с детьми так выдохся, значит у него реально были проблемы, вероятно, как и у нас всех.

- Он не знал, что ваш папа умер, - сказал Бен.

Я покачала головой:

- И знал, и не знал. Так бывает.

- Да, - вздохнул Бен, - так бывает.

Между нами повис свинцовый шар тишины размером с Ньюарк. Бен рассеянно погладил мишку по голове - так старики поглаживают кошку, пока читают газету.

- Я должна вернуться к нему, - произнесла я.

Бен шагнул к двери в номер и преградил мне путь:

- Может, лучше не надо.

- А может, тебе лучше не совать нос...

- Не первый человек в его жизни умер. Он справится.

- Ух ты! Это жестко.

«Вообще-то, мальчик Зомби, мы говорим о человеке, который был и моим отцом тоже».

- Ты знаешь, о чем я.

- Почему люди, после того как скажут что-то реально жестокое, все время повторяют именно это?

У меня были определенные проблемы с самоконтролем, поэтому меня понесло:

- Так уж случилось, что я знаю, как это - «справляться» со смертью в одиночку. Только ты - и больше никого, вокруг - пустота. А было бы хорошо, очень-очень хорошо, если бы в тот момент кто-то был рядом...

- Эй, - тихо сказал Бен. - Эй, Кэсси, я ничего такого не хотел...

- Да, ты не хотел. Ты действительно не хотел.

Зомби. Он получил это прозвище, потому что ничего не чувствовал, был мертвым внутри? В лагере «Погребальная яма» такие попадались. Я звала их «тюфяки». Набитые прахом мешки с очертаниями человеческого тела. В них навсегда сломалось нечто важное. Слишком много потерь. Переизбыток боли. Они передвигались, волоча ноги, бормотали что-то невнятное, и в глазах у них зияла пустота. И Бен был таким? Он был «тюфяком»? Тогда почему он рисковал жизнью ради спасения Сэма?

- Где бы ты ни побывала, - чуть слышно произнес Бен, - мы там тоже были.

Его слова отозвались во мне болью. Потому что он говорил правду, и я уже слышала ее как-то раз. От другого.

«Не ты одна потеряла все...»

Тот другой пожертвовал всем ради меня. Этому кретину надо было напомнить, что я не единственная. Жизнь часто над нами насмехается, но порой она открыто и зло хохочет нам в лицо.

- Рингер ушла? - спросила я, потому что пора было сменить тему.

Бен кивнул. Он продолжал гладить мишку. Этот медведь начал меня раздражать, и я забрала его.

- Я пытался послать с ней Кекса, - сказал Бен и тихо рассмеялся. - С Рингер.

Мне стало интересно, сознает ли Зомби, как звучит его голос, когда он произносит ее имя? Тихо, как молитва.

- Знаешь, у нас ведь нет резервного плана на случай, если она не вернется.

- Она вернется, - твердо проговорил Бен.

- Почему ты так уверен?

- Потому что у нас нет резервного плана.

И он просиял своей широкой, открытой улыбкой. Это сбивало с толку. Странно было видеть улыбку, когда-то освещавшую все вокруг - классы, коридоры, школьные автобусы, - на его новом лице, которое изменили болезнь, пули и голод. Как будто идешь по чужому городу, сворачиваешь за угол и вдруг натыкаешься на старого знакомого.

- Это круговая аргументация, логическая ошибка, - ответила я.

- Знаешь, некоторые ребята чувствуют угрозу, когда их окружают умники, а мне это только придает уверенности.

Бен пожал мне руку и, прихрамывая, направился к своему номеру.

Остались только игрушечный мишка, большой ребенок в конце коридора и закрытая дверь. И я перед нею. Я сделала глубокий вдох и вошла в комнату. Села на кровать рядом с горкой из одеял. Я не видела Сэма, но знала, что он там. Он не видел меня, но знал, что я рядом.

- Как он умер? - раздался приглушенный голос.

- Его застрелили.

- Ты видела?

- Да.

Наш отец ползет, впиваясь пальцами в грязь.

- Кто его застрелил?

- Вош.

Я закрыла глаза. Не надо было говорить. В темноте картинка становится отчетливее.

- Где ты была, когда Вош его убивал?

- Пряталась.

Я потянулась к нему, чтобы откинуть одеяло, но остановила себя.

«Где бы ты ни была...»

В лесу, недалеко от пустого шоссе, девочка забирается в спальный мешок, застегивает молнию, и в который раз у нее перед глазами погибает ее отец. Пряталась тогда, прячусь сейчас и снова, снова вижу эту картину.

- Он дрался?

- Да, Сэм. Он дрался как лев. Он спас мне жизнь.

- Но ты притаилась.

- Да.

Я прижала мишку к животу.

– Как жирный цыпленок.

– Нет, нет, – прошептала я. – Все не так.

Сэмми откинул одеяла в сторону и резко сел. Его было не узнать. Я никогда раньше не видела этого мальчика таким. У него было страшное, искаженное от ярости и ненависти лицо.

– Я убью его. Я всажу пулю ему в голову!

Я улыбнулась. Во всяком случае, попыталась улыбнуться.

– Извини, Сэмс, но он мой.

Мы смотрели друг на друга, и время начало распадаться на части. Время, которое мы потеряли в крови, и время, которое мы обрели в крови; время, когда я была всего лишь властной старшей сестрой, а он надоедливый младшим братом, и время, когда я была той, ради кого стоило жить, а он тем, ради кого стоило умереть. А потом он бросился ко мне на грудь, и мишка оказался между нашими телами, как мы между временем до и временем после.

Я легла рядом с Сэмми, и мы вместе прочитали его молитву: «Если я умру во сне, Господи, возьми к себе мою душу».

И я рассказала ему историю о том, как погиб наш папа. Как он выкрал винтовку у одного из плохих парней и в одиночку перебил дюжину глушителей. Как он стоял перед Вошем и говорил ему: «Вы можете уничтожить наши тела, но вам не уничтожить наши души». Он пожертвовал собой, чтобы я смогла убежать и спасти брата от злой галактической орды. Папа верил, что наступит день, когда Сэм соберет оставшихся в живых людей и спасет мир. Пусть Сэмми запомнит мои слова, чтобы в его памяти не возникала картина, как его отец в свои последние мгновения ползет, истекая кровью, по грязи.

Брат заснул, а я выскользнула из кровати и вернулась на пост у окна. Полоса парковки, заброшенная закусочная («Все, что можно есть в среду!») и серая,

уходящая в черноту лента шоссе. На Земле тихо и темно, – наверное, такой она и была до появления людей, наполнивших ее шумом и светом. Что-то подошло к концу. Начинается новая эпоха. А сейчас – промежуточное время. Пауза.

На шоссе, около заехавшего на разделительную полосу внедорожника, свет звезд отразился от темного предмета, в котором я сразу опознала ствол винтовки. У меня на секунду остановилось сердце. Тень метнулась к деревьям, и я заметила мерцающие, черные как вороново крыло, идеально гладкие и абсолютно прямые волосы. Это была Рингер.

У нас с нею с самого начала не заладились отношения, и чем дальше, тем хуже они становились. Все, что я говорила, она воспринимала с ледяным презрением, как будто я дура или просто сумасшедшая. Особенно когда дело касалось Эвана Уокера.

«Ты уверена? Это нелогично. Как он мог быть одновременно и человеком, и пришельцем?»

Чем больше я заводилась, тем спокойнее она становилась. Можно сказать, что в результате нашего взаимодействия происходила бурная химическая реакция. Допустимо сравнение и с формулой Эйнштейна $E = mc^2$ – стремительный переход массы в энергию вызывает мощный взрыв.

Слова, которыми мы обменялись перед ее уходом, были прекрасным тому доказательством.

– Знаешь, Дамбо – я понимаю. Это из-за больших ушей. Наггетс – потому что Сэм такой маленький. Чашка – тоже понимаю. Зомби – не очень. Бен не хочет рассказывать. Ну и Кекс, я догадываюсь, – из-за того, что он такой пухляк. Но почему – Рингер?

В ответ – ледяной взгляд.

– Я из-за этого чувствую себя какой-то отщепенкой. Ну, знаешь, как единственный член шайки без погоняла.

– Без позывного, – поправила она.

Я посмотрела на нее внимательно и сказала:

- Давай-ка я угадаю. Национальная стипендия, шахматный клуб, математическая команда, лучшая в классе? И ты играешь на каком-то музыкальном инструменте. На струнном. На скрипке или виолончели. Твой отец работал в Силиконовой долине, а твоя мама была профессором в колледже, - думаю, она преподавала физику или химию.

Рингер молчала примерно две тысячи лет, потом буркнула:

- Еще что-нибудь?

Я понимала, что лучше остановиться. Но меня уже понесло, а когда это случается, я иду до конца:

- Ты была старшей... нет, ты была единственным ребенком в семье. Отец - буддист, а мама - атеистка. Ходить ты начала в десять месяцев. Твои родители постоянно работали, поэтому тебя воспитывала бабушка. Она научила тебя упражнениям тайцзи. Ты никогда не играла в куклы. Говоришь на трех языках. Один из них французский. Была членом команды «Олимпийские резервы» по гимнастике. Однажды ты принесла домой оценку «хорошо», родители отобрали набор по химии и на неделю заперли тебя в твоей комнате. За эти дни ты перечитала полное собрание сочинений Уильяма Шекспира. - (Рингер покачала головой.) - Ладно, не полное. Без комедий. Юмора ты не понимаешь.

- Отлично, - сказала она. - Это было увлекательно. - Голос у нее был ровный и тонкий, как лента кухонной фольги. - Могу я тоже попробовать?

Я немного напряглась и собралась с духом:

- Давай.

- Тебя всегда не устраивала твоя внешность, особенно волосы. Веснушки на втором месте. У тебя проблемы с общением, поэтому ты много читала и, начиная со средней школы, вела дневник. У тебя была всего одна близкая подруга. Ваши отношения можно назвать созависимостью, это значит: при каждой ссоре ты впадала в депрессию. Ты папина дочка. И никогда не была близка с матерью -

она всегда давала тебе почувствовать, что ты, при всем старании, любое дело делаешь недостаточно хорошо. К тому же она была красивее тебя, это тоже не шло на пользу. Когда она умерла, ты стала винить себя за то, что втайне ненавидела ее, и почувствовала облегчение, когда ее не стало. Ты упрямая, импульсивная и немного «гипер», поэтому родители записали тебя в секцию, где тебе помогли решить проблемы с концентрацией и координацией. Балет или карате. Вероятнее всего, второе. Хочешь, чтобы я продолжила?

И что мне было делать? Я видела только два варианта: рассмеяться или врезать кулаком ей в лицо. Ладно, три: рассмеяться, врезать кулаком ей в лицо или ответить таким же стоическим взглядом. Я остановилась на третьем.

Плохой выбор.

– Ну что ж, – сказала Рингер. – Ты не сорванец в юбке и не девочка-девочка. Ты между ними, в серой зоне. Тот, кто в серой зоне, всегда ненавидит тех, кем не является, и ты объектом своих претензий выбрала симпатичных девочек. Ты влюблялась, но у тебя никогда не было парня. Ты притворялась, будто ненавидишь мальчиков, которые тебе нравились, и наоборот. Когда с тобой рядом оказывался кто-то красивее, умнее – словом, лучше тебя, ты начинала злиться и язвить, потому что этот кто-то напоминал тебе о том, какой банальной ты ощущала себя внутри. Мне продолжать?

– Конечно. Продолжай, – прозвучал мой слабенький голосок.

– До появления Эвана Уокера ты никогда не держала парня за руку, если не считать мальчишек на школьных экскурсиях. Эван относился к тебе по-доброму, ничего от тебя не требовал и в качестве бонуса был даже слишком красив. Он стал для тебя пустым холстом, на котором ты могла нарисовать картину идеальных отношений с идеальным парнем. Он разогнал твои страхи, потому что никогда не делал тебе больно. Он дал тебе все то, что в твоих фантазиях получают красивые девочки, то, чего у тебя никогда не было. Так что быть с ним – или идея быть с ним – для тебя, скорее всего, разновидность реванша.

Я кусала нижнюю губу. У меня щипало глаза. Я так сильно сжимала кулаки, что ногти впивались в ладони. Почему, ну почему я не выбрала второй вариант?

– Теперь ты хочешь, чтобы я остановилась, – сказала она, и это был не вопрос.

Я вздернула подбородок. «Моим позывным будет Дефианс!»

– Какой мой любимый цвет?

– Зеленый.

– Неправильно. Желтый, – соврала я.

Она только пожала плечами. Она знала, что я соврала. Рингер – ходячая «Страна чудес».

– Серьезно, скажи, почему ты Рингер?

Вот оно. Заставить ее защищаться. Правда, она на самом деле никогда не оборонялась. Скорее, я перейду в оборону.

– Я человек, – ответила она.

– Ага.

Я посмотрела сквозь щель между шторами на стоянку двумя этажами ниже. Зачем я это делала? Неужели действительно думала, что увижу, как он стоит там, смотрит вверх и улыбается мне.

«Видишь? Я же обещал, что найду тебя».

– Кто-то мне уже такое говорил. И я, как дура, ему поверила.

– Ну, учитывая обстоятельства, не такая уж ты и дура.

О, теперь она решила стать добренькой? Делает мне поблажку? Я не знала, что хуже: ледяная дева Рингер или Рингер – сердобольная королева.

– Не прикидывайся, – отрезала я. – Я знаю, что ты мне не веришь.

– Я верю тебе. А в его историю – нет. Бредятина какая-то.

И после этого она удалилась. Взяла и вышла. Прямо посреди разговора. Ну кто в этом мире так поступает, кроме парней?

«Виртуальная реальность не нуждается в физически существующей планете».

Кем был Эван Уокер? Я смотрела в окно, потом на младшего брата и снова на улицу. Кто же ты, Эван Уокер?

Глупо было верить ему, но я была ранена, совершенно одинока (то есть настолько, что думала, будто я – последний человек во всей долбаной Вселенной). А главное – у меня мозг выносило, оттого что я убила ни в чем не повинного парня. Между тем Эван Уокер не только не уничтожил меня, хотя легко мог это сделать, а, напротив, спас от смерти. И поэтому, когда прозвонили звоночки, я не обратила на них внимания. К тому же он был невероятно красив (это довольно большой плюс) и просто одержим желанием показать мне, что я для него значу больше, чем он сам. Он купал меня, кормил, учил искусству убивать. А однажды сказал, что я важнее всего в его жизни и он готов умереть за меня. И доказал это.

Он родился вместе с Эваном Уокером, а спустя тринадцать лет проснулся и обнаружил, что он иной. И вдруг, по его словам, увидел мир моими глазами. Этот момент все перевернул. Эван нашел себя во мне, и я была в нем, мы слились в одно целое. Сначала он говорил то, что? я хотела услышать, а под конец сообщил нечто очень важное: главное оружие по уничтожению оставшихся на Земле людей – сами люди. А когда последний из инвазированных умрет, Вош и компания «отключат» Пятую волну. Так закончится чистка. Дом будет выметен и готов принять постояльцев.

После того как я рассказала Бену и Рингер свою историю, опустив лишь то, что Эван был внутри меня (слишком много нюансов для Пэриша), последовала серия двусмысленных и многозначительных взглядов. Только я не участвовала в их безмолвном диалоге.

– Один из них влюбился в тебя? – спросила Рингер, когда я замолчала. – Разве это не то же самое, что втрескаться в таракана?

– Или в поденку? – огрызнулась я. – Может, у них слабость к насекомым.

Разговор шел в номере Бена, когда мы проводили первую ночь в отеле Уокера. Это Рингер его так назвала – думаю, специально, чтобы поиграть у меня на нервах.

– Что еще он тебе рассказывал? – спросил Бен.

Он растянулся на кровати. Всего четыре мили пути от лагеря до отеля, а он выглядел так, словно пробежал марафон. Дамбо, мальчишка, который подштопал нас с Сэмом, толком не ответил на мои расспросы. Не сказал, пойдет ли Бен на поправку, станет ли ему хуже. Конечно, Дамбо было всего двенадцать.

– Каковы их потенциальные возможности? Слабые места?

– У них больше нет физических тел, – ответила я. – Эван сказал, что только так они могли отправиться в это путешествие. Одних «загрузили» – его, Воша и других глушителей, – а другие все еще на корабле-носителе, ждут, когда нас не станет.

Бен вытер рот тыльной стороной ладони.

– Лагеря устроили, чтобы отсеять лучших кандидатов для промывки мозгов...

– И уничтожить тех, кому не промыли, – закончила я. – Как только Пятая волна откатит, им останется только расслабиться и наблюдать, как глупые людишки делают за них грязную работу.

Рингер, как безмолвная тень, сидела возле окна.

– Но зачем им вообще понадобилось нас использовать? – не мог понять Бен. – Почему не «загрузить» достаточное количество своих солдат в человеческие тела и добить нас всех?

– Может, их не так много, – предположила я. – Или устроить Пятую волну менее рискованно.

– А в чем тут риск? – подала голос тень-Рингер.

Я решила не реагировать. Причин для этого было много, но главная: не хотелось с ней связываться. Она способна одним словом унижить человека.

– Ты был там, – напомнила я Бену. – Ты слышал, что говорил Вош. Они веками наблюдали за нами. Но Эван доказал: сколько тысячелетий ни разрабатывай план, все равно что-то может пойти не так. Вряд ли их беспокоило предположение, что, вселившись в нас, они могут реально стать нами.

– Верно, – согласился Бен. – И как мы можем это использовать?

– Никак, – ответила за меня Рингер. – Ничего из того, что тут рассказала Салливан, нам не поможет. Ситуацию сумеет прояснить только этот Эван, если он уцелел после взрыва.

Бен покачал головой:

– После такого никому не выжить.

– Там были спасательные капсулы. – Я снова схватилась за соломинку, за которую цеплялась с тех пор, как он со мной попрощался.

– Правда? – По интонации Рингер было ясно, что она мне не верит. – Тогда почему он не посадил тебя в одну из них?

Я повернулась к ней:

– Слушай, может, мне не следует говорить это тому, кто держит в руках мощную полуавтоматическую винтовку, но ты реально начинаешь действовать мне на нервы.

Она вроде как удивилась:

– Это почему?

– Мы должны с этим разобраться, – решительно сказал Бен.

Хорошо, что он не дал мне ответить Рингер. У нее в руках была М-16, а Бен говорил мне, что она была лучшим стрелком в лагере.

– И каков наш план? Ждем, когда появится Эван, или бежим? Если бежим, то куда? Какие еще сведения, переданные Эваном, могут нам помочь? Что пришельцы планируют делать с городами?

Его щеки покраснелись от лихорадки, глаза блестели.

– Они не собираются их взрывать, – пробурчала, не дожидаясь моего ответа, Рингер.

И ждать, когда я спрошу, откуда, черт возьми, она это знает, Рингер тоже не стала.

– Если бы в этом состоял их план, они бы уничтожили их первым делом. Больше половины населения Земли живет в городских районах.

– Значит, города нужны иным, – сказал Бен, – из-за того что они используют тела людей?

– Мы не можем прятаться в городах, Зомби, – изрекла Рингер. – Вообще ни в одном городе.

– Почему?

– Потому что там небезопасно. Пожары, нечистоты, угроза трупного заражения, другие выжившие, которые могут знать о том, что иные внедряются в человеческие тела. Если мы хотим оставаться в живых, надо продолжать двигаться. Двигаться и держаться в одиночку настолько долго, насколько это возможно.

Господи. Где я слышала это правило? У меня закружилась голова. Боль в ноге просто убивала. Ломило колено, в которое меня ранил глушитель. Мой глушитель.

«Я разыщу тебя, Кэсси. Я ведь всегда тебя нахожу».

Не в этот раз, Эван. Я села на кровать рядом с Беном.

- Она права, оставаться в одном месте дольше чем на несколько дней - плохая идея.

- Или - держаться вместе.

Слова Рингер повисли в ледяной тишине. Бен рядом со мной напрягся. Я закрыла глаза. Это правило я тоже уже слышала: «Никому не доверяй».

- Так не пойдет, Рингер, - сказал Бен.

- Я возьму Кекса и Чашку. Ты - остальных. Наши шансы удвоятся.

- Зачем на этом останавливаться? - спросила я. - Почему бы нам всем не разойтись по одному? Наши шансы учетверятся.

- Усемерятся, - поправила меня Рингер.

- Ладно, я не силен в математике, - проговорил Бен. - Но мне кажется, если мы разбежимся, это будет им на руку. Их стратегия - разделить и уничтожить. - Он пристально посмотрел на Рингер. - Лично мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь прикрывал мою спину.

Бен рывком встал с кровати и покачнулся. Рингер сказала ему, чтобы он лег обратно. Он не послушал.

- Мы не можем здесь оставаться, но нам некуда идти. Нельзя двигаться наугад, в каком же направлении мы пойдём? - спросил Бен.

- На юг, - ответила Рингер. - Как можно дальше на юг.

Она выглянула в окно. Я понимала, о чем она. Хороший снегопад, и мы застрянем здесь до оттепели. Следовательно, надо идти туда, где не бывает снега.

- Техас? - предложил Бен.

- Мексика, - произнесла Рингер. - Или Центральная Америка, когда вода уйдет. В тропических лесах можно прятаться годами.

- Мне это нравится, - сказал Бен. - Назад к природе. Только одна маленькая проблемка. - Он развел руками. - У нас нет паспортов.

Зомби замер в этой позе и воззрился на Рингер, словно ждал от нее чего-то. Она без всякого выражения смотрела на него. Бен опустил руки и пожал плечами.

- Ты серьезно? - спросила я, потому что это было глупо. - Центральная Америка? Посреди зимы, пешком, с раненым Беном и двумя детьми на руках. Нам повезет, если мы доберемся до Кентукки.

- Лучше, конечно, болтаться тут и ждать, когда появится твой инопланетный принц.

Это было последней каплей. Плевать, что у нее M-16. Я вцепилась в ее гладкие как шелк волосы и стянула Рингер с подоконника. Бен вовремя понял, чем это может закончиться, и встал между нами:

- Салливан, мы все - одна команда. Давай будем держаться вместе, ладно? - Он повернулся к Рингер. - Ты права. Возможно, Эван ничего не обещал, но мы должны дать ему шанс сдержать слово. В любом случае я не готов к пешему походу.

- Зомби, я вернулась за тобой и Наггетсом не для того, чтобы мы стали легкой мишенью, - заявила Рингер. - Поступай так, как считаешь нужным, но, если запахнет жареным, я ухожу.

- Командный игрок, - сказала я, обращаясь к Бену.

- Ты, наверное, забыла, кто спас тебе жизнь, - проговорила Рингер.

- О, поцелуй меня в задницу.

– Хватит! – громко скомандовал Бен в своем фирменном стиле квотербека.[5 - Квотербек – нападающий в американском и канадском футболе.] – Я не знаю, как мы выберемся из этого дерьма, но уверен, что так дело не пойдет. Осадите назад, вы обе. Это приказ.

Зомби прижал руку к боку и повалился на кровать. Он задышался. Рингер ушла искать Дамбо, и мы с Беном впервые после нашего воссоединения в подземелье лагеря «Приют» остались одни.

– Странно это, – сказал он. – Казалось бы, после того как девяносто девять процентов людей были уничтожены, оставшиеся два должны лучше относиться друг к другу.

«Хм, сто минус девяносто девять – один, Пэриш».

Я уже хотела сказать это вслух, но тут заметила, что он улыбается и ждет моего замечания. Бен прекрасно понимал, что мне будет очень трудно удержаться и не указать ему на ошибку. Его простые и не всегда уместные шутки напоминали мне надписи мелом на тротуаре, которые мог сделать какой-нибудь ровесник Сэмми.

– Она психопатка, – сказала я. – Seriously, с ней что-то не так. Смотришь ей в глаза, а там – никого и ничего.

Бен покачал головой:

– Я думаю, там много чего есть. Просто... просто это очень глубоко.

Он поморщился. Одну руку он держал в кармане своей дурацкой толстовки, как будто пытался принять позу Наполеона, а на самом деле зажимал пулевую рану, которую получил от Рингер. Бен сам попросил, чтобы она в него выстрелила. Он рискнул всем ради спасения моего брата. И теперь это ранение могло стоить ему жизни.

– Ничего не получится, – сказала я.

– Еще как получится, – ответил Бен и накрыл мою руку ладонью.

Я покачала головой. Он меня не понял. Я говорила не о нас.

Тень от появления иных упала на нас, и мы в этой абсолютной темноте потеряли из виду что-то самое главное. Но это еще не значило, что его больше не существовало.

Мой отец, когда уже не мог бежать сам, кричал мне одними губами: «Беги!»

Эван вытащил меня из чрева чудовища, а потом сам отправился туда.

Бен нырнул в ад, чтобы вырвать оттуда Сэма.

Еще оставались вещи – по крайней мере одна, – которые не накрыла эта тень. Разрушающие все теории. Неослабевающие. Неодолимые.

Они могут уничтожить нас всех до единого, но они не сумеют убить и никогда не убьют то, что живет внутри нас.

«Кэсси, хочешь полетать?» – «Да, папа. Я хочу полетать».

12

Серебристое шоссе тает в темноте. Свет звезд разрывает черное небо. Голые деревья тянутся ветвями вверх – так воры, которых застукали с поличным, поднимают руки. Мой брат спит, его дыхание застывает в ледяном воздухе. От моего вздоха затуманивается окно. И за этим замерзшим стеклом, вдоль ленты шоссе, мерцающей в сиянии ярких звезд, маленькая фигурка стрелой мчится под колючими ветками деревьев.

«Вот черт!»

Я метнулась через комнату к двери и выскочила в коридор. Кекс с винтовкой на изготовку резко повернулся в мою сторону.

«Спокойно, большой мальчик».

Я ворвалась в номер Бена. Дамбо стоял, облокотившись на подоконник, а Бен растянулся на ближайшей к двери кровати.

Бен сел. Я сразу перешла к делу:

– Где Чашка?

Дамбо показал на кровать рядом с Беном:

– Да вон там она.

И в глазах его читалось: «Эта сумасшедшая цыпочка сорвалась».

Я подошла к кровати и отбросила в сторону груды одеял. Бен выругался. Дамбо прижался к стене, и лицо у него стало красным.

– Клянусь Богом, она была здесь!

– Я видела ее, – сказала я Бену. – Снаружи...

Бен сбросил ноги с кровати и прорычал:

– Снаружи?

– На шоссе.

И тогда он понял:

– Рингер. Она побежала за Рингер. – Бен хлопнул ладонью по матрасу. – Проклятье!

– Я пойду, – сказал Дамбо.

Бен поднял руку и крикнул:

– Кекс!

Любой бы услышал, как шагает большой мальчик, – половицы изнывали у него под ногами. Кекс заглянул в комнату.

– Чашка сбежала. Пошла за Рингер, – сказал ему Бен. – Иди поймай эту маленькую задницу. Притащи ее сюда, чтобы я мог ее как следует выпороть.

Кекс, тяжело ступая, уходил по коридору, и пол у него под ногами стонал: «Спасибо большое!»

Бен пристегнул кобуру.

– Куда собрался? – спросила я.

– Займу пост Кекса, пока он не вернет сюда эту маленькую засранку. Ты остаешься с Наггетсом. То есть с Сэмом. Сама решай. Нам надо выбрать одно имя, и будем им пользоваться.

Пальцы у него дрожали. Лихорадка. Страх. И то и другое понемногу.

Дамбо открыл рот и сразу закрыл, так и не издав ни звука. Бен это заметил:

– Вольно, Бо. Ты не виноват.

– Я пасу коридор, – сказал Дамбо. – Сержант, ты остаешься здесь. Тебе нельзя вставать. – И он так быстро вышел из номера, что Бен не успел его затормозить.

– Не думаю, что я говорил тебе об этом. – Бен взглянул на меня, глаза у него блестели от лихорадки. – После того как нас послали в Дейтон, Вош отправил за нами команду охотников. Если они были «в поле», когда лагерь взлетел на воздух...

Бен не стал продолжать. Может, решил, что не стоит, или просто не мог. Он встал. Его покачивало. Я подошла к нему, и он, ничуть не смущаясь, обнял меня за плечи. Не знаю, как сказать это деликатно, – в общем, от Бена Пэриша плохо пахло. От него шел неприятный кислый запах гниения и пота. В первый раз после того, как я увидела его живым, мне подумалось о том, что ему совсем недолго осталось.

– Давай возвращайся в постель, – сказала я.

Бен затряс головой, его рука соскользнула с моего плеча, он хлопнулся задом о кровать и сполз на пол.

– Голова кружится, – пробормотал Бен. – Иди за Наггетсом, пусть он будет тут, с нами.

– Его зовут Сэм. Остановимся на этом имени?

Когда я слышала, как брата звали Наггетсом, сразу вспоминала рестораны с автораздачей, картошку фри, землянично-банановый коктейль и присыпанный стружкой шоколада мокко-фраппе.

Бен улыбнулся. От этой светлой улыбки на измученном лице у меня разрывалось сердце.

– Договорились, – сказал он.

Сэм даже не засопел, когда я вытащила его из постели и перенесла в номер Бена. Я уложила его на пустующую кровать Чашки, подоткнула со всех сторон одеяла и по старой привычке, которая сохранилась еще со времен чумы, потрогала лоб.

Бен так и сидел на полу и, склонив голову набок, смотрел в потолок. Я хотела подойти к нему и помочь подняться, но он только отмахнулся.

– Окно, – с трудом выдохнул он. – Теперь у нас одна сторона без присмотра. Спасибо Чашке.

- Почему она сорвалась и побежала, как...

- Она еще с Дейтона прилепилась к Рингер, как рыба-лоцман.

- Сколько за ними ни наблюдала, они постоянно препирались.

Я вспомнила о «шахматной стычке», когда монетка угодила Чашке в лоб.

«Я тебя ненавижу. Всю до твоих гребаных потрохов!»

Бен усмехнулся:

- Тут тонкая материя.

Я посмотрела вниз, на парковку. Асфальт блестел, как оникс.

«Прилепилась к Рингер, как рыба-лоцман».

Я представляла, как Эван прячется за дверь, как выглядывает из-за угла. Думала о том, что? нельзя у нас отнять и что всегда будет с нами. Еще одна мысль мучила меня: то, что способно нас спасти, способно нас и уничтожить.

- Seriously, не стоит тебе вот так сидеть на полу, - сказала я. - В кровати будет теплее.

- Ну, на половину половины одного градуса - это точно. Салливан, не парься. Чума покруче простуды будет.

- У тебя была чума?

- О да. В лагере беженцев под Райт-Паттерсоном. Иные, после того как заняли базу, затащили меня туда, накачали антивирусными, а потом дали в руки винтовку и приказали убить кое-кого. У тебя такое было?

Распятие в окровавленной руке.

«У тебя два варианта: или прикончить меня, или помочь».

Солдат за холодильниками с пивом был первым. Нет. Первым был парень, который застрелил Криско возле «Погребальной ямы». Значит, два. Потом были глушители. Одного я прикончила как раз перед тем, как нашла Сэма, второго – перед тем, как Эван нашел меня. Итого – четыре. Может, я кого-нибудь недосчиталась? Тела множатся, и ты можешь потерять счет.

«О господи, ты потеряла счет».

– Я убивала, – тихо призналась я.

– Я про чуму спросил.

– У меня ее не было. У мамы...

– А что с твоим отцом?

– Его другая чума убила. – (Бен вопросительно посмотрел на меня через плечо.) – Вош. Его убил Вош.

И я рассказала Бену о лагере «Погребальная яма». О «хамви» и открытых грузовиках с солдатами. О неправдоподобном появлении школьных автобусов.

«Только дети. Места только для детей».

О том, как всех остальных собрали в бараках, а папа послал меня с моей первой жертвой на поиски Криско. Потом: отец лежит в грязи, над ним стоит Вош, а я прячусь в лесу. И папа одними губами кричит мне: «Беги!»

– Странно, что они не взяли тебя в автобус, – сказал Бен. – Если только у них не было цели создать армию из детей с промытыми мозгами.

– Я видела только малышей. Ровесников Сэма и помоложе.

– В лагере они отфильтровали тех, кто моложе пяти, и поместили их в отдельный бункер...

Я кивнула:

– Я их нашла. В специальном помещении, типа спортзала в школе. Они смотрели на меня, а я искала Сэма.

– И ты задалась вопросом: зачем они их там держат? – продолжил за меня Бен. – Если только Вош не ждет, что война растянется надолго.

Он сказал это так, будто не был уверен в своей догадке, и начал нервно постукивать пальцами по матрасу:

– Что, черт возьми, там с Чашкой? Они уже должны были вернуться.

– Пойду проверю, – сказала я.

– Черта с два ты куда-то пойдешь. Это становится похоже на самый тупой фильм ужасов. Понимаешь? Все расходятся по одному. – Бен хмыкнул. – Ждем еще пять минут.

Мы сидели молча, но ничего, кроме шепота ветра между оконными рамами и царапанья крысиных когтей за стенками, не улавливали. Чашка была просто одержима крысами. Я слышала, как они с Рингер разрабатывали планы по их уничтожению. Меня раздражал учительский тон, с которым Рингер рассказывала о том, что их популяция вышла из-под контроля и теперь в отеле крыс больше, чем у нас патронов.

– Крысы, – произнес Бен, словно читая мои мысли. – Крысы, крысы, крысы. Сотни крыс. Тысячи крыс. Их теперь больше, чем нас. Планета крыс. – Он хрипло рассмеялся, а я подумала, что у него, вероятно, начался бред. – Знаешь, что меня доканывает? Вош говорил нам, что иные наблюдали за нами веками. Вот как такое возможно? О, я понимаю, что это возможно, у меня другой вопрос: почему они не напали на нас еще тогда? Сколько людей было на Земле, когда строились пирамиды? Зачем ждать, пока нас станет семь миллиардов и мы расселимся по всем континентам, а на смену копьям и дубинам придут

продвинутые технологии? Нравятся сложности? Паразитов в доме лучше уничтожать до того, как они превзойдут вас по численности. А что Эван? Он говорил что-нибудь об этом?

Я откашлялась:

– Он сказал, что мнения разделились, некоторые были против нашего уничтожения.

– Хм. Так они что, спорили по этому поводу шесть тысяч лет? Болтались вокруг, потому что никак не могли решиться, пока в конце концов не нашелся тот, кто сказал: «Какого черта, давайте просто покончим с этими ублюдками».

– Я не знаю. У меня нет ответов на все вопросы, – буркнула я и ошетибилась.

Если я знала Эвана, это еще не значило, что я знаю все на свете.

– Вош, конечно, мог нам врать, – задумчиво сказал Бен. – Не знаю, может, чтобы забраться к нам в головы, наладить с нами контакт. Он меня зацепил с самого начала. – Бен посмотрел на меня, а потом отвел взгляд. – Может, не следует в этом признаваться, но я преклонялся перед этим парнем. Я думал, что он... – Бен повертел рукой в воздухе, будто хотел поймать нужное слово, – лучший среди нас.

У него затряслись плечи. Я сначала подумала, что его сильно лихорадит. А потом поняла, что причина в другом, поэтому оставила свой пост у окна и подошла к нему.

Парни обычно не расклеиваются на публике. Для них это личное. Нельзя, чтобы кто-то видел твои слезы. На людях плачет размазня, неженка, слабак и тряпка. В общем, это не по-мужски и все такое прочее. Я не могла даже представить, чтобы Бен Пэриш, тот, каким он был до Прибытия, расплакался перед кем-то. У прежнего Бена было все, на него хотели быть похожи все ребята в школе. Он разбивал сердца, но сам был непробиваем.

Я присела рядом с Беном. Я к нему не прикасалась и не стала ничего говорить. Он был сам по себе, я – сама по себе.

– Извини, – пробормотал Бен.

– Не извиняйся.

Бен вытер тыльной стороной ладони одну щеку, потом вторую.

– Знаешь, что он мне сказал? Вернее, даже пообещал. Что избавит меня от всего. Опустошит и наполнит ненавистью. Но он не сдержал слова. Вместо ненависти я исполнился надежды.

Я понимала, о чем он говорит. В убежище – бесчисленное количество поднятых вверх детских лиц. Глаза ловят мой взгляд, в них вопрос, который страшно произнести вслух: «Я буду жить?» Все взаимосвязано. Иные это понимали даже лучше, чем большинство из нас. Без веры нет надежды, без надежды пропадает вера, нет любви без доверия и доверия – без любви. Убери одно, и построенный людьми картонный домик рухнет.

Вош хотел открыть Бену правду. Показать ему безысходность надежды. Но какой в этом был смысл? Если их цель заключалась в уничтожении человечества, зачем заморачиваться, когда можно просто взять и стереть нас с лица земли? Наверняка у них в распоряжении была куча вариантов скорой расправы. Но они растянули процесс на пять волн нарастающего ужаса. Зачем?

До сих пор я считала, что иные не испытывали к нам ничего, кроме презрения, ну, может, с примесью отвращения. Так мы относимся к крысам, тараканам, клопам и прочим мерзким низшим формам жизни.

«Ничего личного, человечки, но вы должны уйти».

Мне никогда и в голову не приходило, что тут может быть что-то личное. Оказывается, убить нас – это слишком мало.

– Они нас ненавидят, – произнесла я, обращаясь и к себе, и к Бену.

Бен удивленно взглянул на меня, я посмотрела ему в глаза. Мне стало страшно.

– Нет другого объяснения.

– Кэсси, они не испытывают к нам ненависти, – сказал Бен мягко, словно маленькой перепуганной девочке. – Просто у нас есть то, что они хотят получить для себя.

– Нет.

У меня по щекам покатились слезы. Для Пятой волны было одно, и только одно объяснение. Глупо искать какие-то другие причины.

– Бен, суть не в том, что они хотят вычистить от нас планету. Они хотят вычистить нас.

13

– Ну все, – сказал Бен. – Время вышло.

Он встал, но у него это плохо получилось. Не выпрямившись до конца, он тяжело хлопнулся на задницу. Я положила руку ему на плечо:

– Я пойду.

Бен с силой хлопнул себя по бедру.

Я открыла дверь и выглянула в коридор.

– Не могу этого допустить, – пробормотал Бен.

Что он имел в виду? Не мог потерять Чашку и Кекса? Боялся, что все мы пропадем по одному? Не желал отступить перед своей болью? Или не хотел вообще проиграть эту войну?

В коридоре было пусто.

Сначала Чашка. Потом Кекс. Теперь Дамбо. Мы исчезали быстрее, чем туристы в фильме ужасов.

– Дамбо... – тихо позвала я.

Глупое имя эхом повторилось в холодном затхлом воздухе. Я лихорадочно просчитывала в голове все варианты. От наименее возможного к наиболее вероятному: кто-то тихо нейтрализовал Дамбо и спрятал его тело; его взяли в плен; он что-то увидел или услышал и пошел проверить, в чем дело; ему захотелось в туалет.

Последнее предположение заставило меня на пару секунд задержаться в дверях. В коридоре так никто и не появился, и тогда я вернулась в номер. Бен уже встал и проверял магазин М-16.

– Не предлагай мне разные варианты на выбор, – сказал он. – Это не важно. Мне не к чему гадать.

– Оставайся здесь, с Сэмом. Я пойду.

Бен шаркая прошел вперед и остановился прямо передо мной:

– Извини, Салливан, но он – твой брат.

Я напряглась. В комнате было холодно, но кровь у меня стала просто ледяной. Бен говорил жестко, прямо и вообще без каких-либо эмоций.

«Зомби. Бен, почему они называли тебя Зомби?»

А потом он улыбнулся. Это была самая настоящая улыбка того самого Бена Пэриша.

– А те ребята, снаружи, они все – мои братья.

Бен обошел меня и неверными шагами направился к двери. Ситуация быстро развивалась от невероятно опасной к опасной до неправдоподобия. Другого выхода я не видела: переползла через кровать Бена и схватила Сэма за плечи.

Тряхнула его хорошенько. Он проснулся и тихонько заскулил. Я зажала ему рот ладонью:

– Сэмс, слушай меня! Что-то плохое происходит.

Я достала из кобуры люгер и вложила его в маленькие ладони брата. Сэм округлил глаза. От страха и, кажется, от радостного возбуждения, что мне очень не понравилось.

– Мы с Беном проверим, в чем дело. Закройся на дверной замок. Ты знаешь, как им пользоваться? – спросила я, и Сэмми кивнул. – И придвинь стул под ручку. Смотри через эту маленькую дырочку. Не впускай... – Я подумала о том, стоит ли добавлять: «никого». – Слушай, Сэмс, это важно, очень важно. Очень-очень важно. Знаешь, как мы отличаем плохих парней от хороших? Плохие парни в нас стреляют.

Это было лучшее правило из всех, каким меня научил папа. Я поцеловала Сэма в макушку и выскочила из номера.

Дверь закрылась у меня за спиной. Потом я услышала, как защелкнулся дверной замок.

«Молодец, мальчик».

Бен уже прошел половину коридора. Он махнул мне рукой. Когда я приблизилась, он прижал горячие от лихорадки губы к моему уху и прошептал:

– Проверяем номера, потом идем вниз.

И мы двинулись. Я впереди, а Бен меня прикрывал. После Прибытия с каждой волной все больше людей искали убежища, и практически все замки в номерах были сломаны, так что в отеле Уокера царила политика «открытых дверей». Еще помогало то, что он строился для семей бюджетников, и номера там были как в домике мечты Барби. Тридцать секунд на проверку одного. Четыре минуты на то, чтобы осмотреть все.

В коридоре Бен снова шепнул мне горячими губами:

- Шахта.

Он присел на одно колено возле дверей лифта. Жестом приказал мне прикрывать выход на лестницу, достал свой армейский нож с десятидюймовым лезвием и вставил его в щель между дверями.

«А, - подумала я, - старый трюк „спрячься в лифте“. Тогда зачем мне прикрывать лестницу?»

Бен раздвинул двери лифта и подозвал меня.

Я подошла и увидела проржавевшие провода и кучу пылищи. Воняло так, будто крыса сдохла. Я надеялась, что именно этим и пахло. Бен показал на черноту внизу шахты, и тогда я поняла. Мы не проверяли шахту, мы собирались ею воспользоваться.

- Я осмотрю лестницу, - задыхаясь, сказал мне на ухо Бен. - Ты остаешься в лифте и ждешь моего сигнала.

Он уперся ногой в одну дверь, а спиной привалился ко второй, чтобы удержать их в открытом состоянии. Потом похлопал по небольшому участку между своим бедром и краем шахты и одними губами сказал: «Вперед».

Я осторожно перебралась через Бена, уселась на самом краю и опустила ноги. Казалось, до крыши лифта миль двадцать. Бен ободряюще улыбнулся: «Не волнуйся, Салливан. Я не дам тебе упасть».

Я по дюйму двигалась вперед, пока моя задница не повисла в воздухе.

«Нет, так не получится».

Я снова присела на край шахты и, перевернувшись, устроилась на коленях. Бен схватил меня за запястье и свободной рукой показал большой палец. Я на коленках начала спускаться по стене и хваталась за край шахты, пока не повисла на кончиках пальцев.

«Хорошо, Кэсси. Пора отпускать. Бен тебя держит. Да, тупица, а еще он ранен и сил у него как у трехлетнего мальчишки. Как только отцепишься, твой вес перетянет его через край, и вы оба сорветесь в шахту. Он приземлится на тебя и сломает тебе шею, а потом истечет кровью, лежа на твоём парализованном теле...»

О, какого черта!

Я перестала цепляться за край шахты. Бен тихо застонал, но не выпустил мою руку и не свалился сверху на меня. Перевесившись по пояс, он опускал меня в шахту, пока я не увидела над собой очертания его головы, а его лицо не скрыла тень. Носки моих ботинок шаркнули по крыше лифта, и я показала Бену большой палец. Три секунды. Четыре. И он меня отпустил.

Я встала на колени и попробовала на ощупь найти служебный люк. Смазка, грязь, очень много жирной грязи.

До открытия электричества было принято измерять свет количеством свечей. Здесь, внизу, его яркость была равна половине половины одного огарка.

Потом двери лифта у меня над головой закрылись, и яркость света упала до нуля.

«Спасибо, Пэриш. Мог бы подождать, пока я не найду люк».

Когда я наконец нащупала этот люк, оказалось, что его заело. Наверное, проржавел. Я уже потянулась за люгером, чтобы использовать рукоятку как молоток, но потом вспомнила, что доверила свой полуавтоматический пистолет пятилетнему мальчику. Тогда я достала из ножен на лодыжке армейский нож и три раза хорошенько ударила рукояткой по задвижке. Металлическая задвижка заскрежетала. Очень громко. Слишком громко для того, чтобы тайком куда-то проникнуть. Но все-таки поддалась. Я дернула крышку вверх, в результате раздался оглушительный лязг, на этот раз от ржавых петель.

«Ну конечно, бьет по ушам, ты ведь стоишь тут рядом на коленях. Снаружи звук, наверное, не громче мышиного писка. Не будь параноиком!»

Мой отец говорил о паранойе. Мне никогда не казалось, что это смешно. Особенно после того, как слышала это пару тысяч раз.

«Я параноик только потому, что все против меня».

И я привыкла думать, что это всего лишь шутка. Не видела в этом никакого дурного предзнаменования.

Я спрыгнула в крошечную темноту кабины лифта.

«Ты ждешь моего сигнала».

Какого сигнала? Бен забыл мне об этом сказать. Я прижала ухо к щели между холодными дверями лифта и задержала дыхание. Досчитала до десяти. Сделала вдох. После шести отсчетов до десяти и четырех вдохов я так ничего и не услышала и начала немного дергаться.

Что происходит снаружи? Где Бен? Где Дамбо?

Наш маленький отряд распался. Разделяться – большая ошибка, но каждый раз у нас не было другого выхода. Кто-то нас переигрывал. Для кого-то это было легче легкого.

Или противников становилось больше.

«После того как нас послали в Дейтон, Вош отправил за нами команду охотников».

Ясно. Скорее всего, так и было. Одно или, может, два отделения нашли место, где мы укрывались. Мы слишком тянули время.

«Правильно, Кассиопея Дефианс Салливан. И чего ты ждала? О да, ведь какой-то парень обещал, что найдет тебя. Правда, он погиб. И ты закрыла глаза и прыгнула со скалы в пустоту, а теперь удивлена, что внизу не был застлан большой и толстый матрас? Сама виновата. Теперь, что бы ни случилось, ты будешь за это в ответе».

Лифт был небольшим, но в темноте казался размером с футбольное поле. Я стояла в огромной подземной шахте. Ни света, ни звука, только безжизненный ледяной мрак. Меня сковывали страх и неизвестность. Непонятно откуда, но я точно знала, что не услышу сигнала Бена. Как и то, что не увижу Эвана.

Момент истины приходит внезапно. Не ты выбираешь время. Время выбирает тебя. Порой я могла смотреть правде в лицо, а теперь она открылась передо мной в этом холодном темном месте, и я отказывалась в нее верить. Я не хотела сюда идти. И правда решила, что сама придет за мной.

Когда Эван прикоснулся ко мне в ту нашу последнюю ночь, мы словно слились вместе, нельзя было понять, где он и где я. И вот теперь я растворилась в темноте этой шахты. Он обещал, что найдет меня.

«Я ведь всегда тебя нахожу».

И я ждала, что он исполнит обещание. После того как он меня нашел, я не верила ни одному его слову, и лишь его последняя фраза не вызвала у меня сомнений.

Я прижалась лицом к холодным металлическим дверям. У меня было такое чувство, будто я падаю, милая за милей лечу вниз, в пустоту, и это падение никогда не закончится.

«Ты поденка. Сегодня ты есть, а завтра нет тебя».

Нет, Эван, я все еще здесь. Это тебя больше нет.

«С того момента, как мы ушли из фермерского дома, ты знал, что случится, – шептала я в темноту. – Знал, что умрешь. И все равно пошел».

Я больше не могла стоять на ногах. У меня не было выбора. Я соскользнула на колени. Я падала, падала, и этому падению не было конца.

«Отпускай, Кэсси. Отпускай». – «Отпустить? Я падаю. Я падаю, Эван».

Но я знала, о чем он говорит.

Я никогда не отпускала его по-настоящему. Тысячу раз в день я говорила себе, что он не мог выжить. Внушала себе, что наше сидение в этом клоповнике не имеет смысла, что это опасно, что оставаться тут – безумие, граничащее с самоубийством. Но я продолжала цепляться за его слова, ведь если бы я перестала верить в его обещание, это означало бы, что я отказалась от него.

- Ненавижу тебя, Эван Уокер, – прошептала я в пустоту.

Изнутри пустоты... и из пустоты внутри – тишина.

«Не могу вернуться. Не могу пойти вперед. Не могу удержать. Не могу отпустить. Не могу, не могу, не могу. Что же ты можешь? Что ты можешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rik-yansi/beskonechnoe-more-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Реггеди Энн – традиционная американская тряпичная кукла с волосами из красной или рыжей пряжи.

2

Никель – американская монета в пять центов.

3

AGM-114 Hellfire (англ.) – буквально «адское пламя», ракета класса «воздух—земля» с полуактивным лазерным наведением.

4

Defiance (англ.) – открытый протест, неповиновение.

5

Квотербек – нападающий в американском и канадском футболе.

Купити: <https://tellnovel.com/rik-yansi/beskonechnoe-more-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)